

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ М.К. АММОСОВА

№1 (05)
2022

ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЛИТЕРАТУР

ISSUES OF NATIONAL LITERATURE

Научный журнал
Сетевое издание
Издается с 2021 года
Журнал выходит 4 раза в год

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова»

1 (05) 2022

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

А. Н. Николаев, д. б. н.

Заместитель главного редактора:

П. В. Сивцева-Максимова, д. филол. н.

Выпускающий редактор

С. Д. Дарбасова, к. пед. н.

Члены редакционной коллегии:

Т. Аргунова-Лоу, доктор философии, Абердинский Университет, Великобритания

В. А. Бигуаа, д. филол. н., в. н. с., ИМЛИ РАН, Российская Федерация

А. А. Бурцев, д. филол. н., профессор, СВФУ, Российская Федерация

Каффи Наоми, доктор философии, доцент, Рид Колледж, Портленд, США

Б. Т. Койчужев, д. филол. н., профессор, Кыргызско-Российский Славянский университет, Кыргызстан

Р. Г. Кулиева, д. филол. н., профессор, Бакинский славянский университет, Азербайджан

М. Ф. Надъярных, к. филол. н., с. н. с., ИМЛИ РАН, Российская Федерация

Ю. Б. Орлицкий, д. филол. н., в. н. с., Российский государственный гуманитарный университет, Российская Федерация

П. А. Слепцов, д. филол. н., г. н. с., ИГиИПМНС СО РАН, Российская Федерация

К. К. Султанов, д. филол. н., профессор, ИМЛИ РАН, Российская Федерация

А. Т. Хамраев, д. филол. н., профессор, Институт литературы и искусства имени М.О. Ауэзова, Национальная Академия наук Республики Казахстан

К. К. Бауаев, д. филол. н., доцент, Кабардино-балкарский государственный университет, Российская Федерация

Ж. В. Бурцева, к. филол. н., с. н. с., ИГиИПМНС СО РАН, Российская Федерация

Л. П. Григорьева, к. филол. н., доцент, СВФУ, Российская Федерация

Н. И. Данилова, д. филол. н., г. н. с., ИГиИПМНС СО РАН, Российская Федерация

У. А. Донгак, к. филол. н., с. н. с., Тувинский институт гуманитарных исследований, Российская Федерация

Л. С. Ефимова, д. филол. н., доцент, СВФУ, Российская Федерация

В. В. Илларионов, д. филол. н., профессор, СВФУ, Российская Федерация

С. С. Имхелова, д. филол. н., профессор, Бурятский государственный университет, Российская Федерация

И. А. Керимов, д. филол. н., профессор, Институт крымско-татарской филологии, истории и культуры этносов Крыма, Российская Федерация

Г. С. Кунафин, д. филол. н., профессор, Башкирский государственный университет, Российская Федерация

С. О. Курьянов, д. филол. н., доцент, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Российская Федерация

Н. С. Майнагашева, к. филол. н., с. н. с., Хакассский НИИ языка, литературы и истории, Российская Федерация

О. А. Мельничук, д. филол. н., доцент, СВФУ, Российская Федерация

Л. Х. Мухаметзянова, д. филол. н., доцент, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН Республики Татарстан, Российская Федерация

М. Х. Надергулов, д. филол. н., г. н. с., Уфимский федеральный исследовательский центр РАН, Российская Федерация

В. Б. Окурокова, д. филол. н., доцент, СВФУ, Российская Федерация

Н. В. Покатилова, д. филол. н., профессор, ИГиИПМНС СО РАН, Российская Федерация

Л. Н. Романова, к. филол. н., в. н. с., ИГиИПМНС СО РАН, Российская Федерация

В. Г. Семенова, д. филол. н., доцент, СВФУ, Российская Федерация

Ю. Г. Хазанкович, д. филол. н., профессор, СВФУ, Российская Федерация

Адрес учредителя и издателя: 677000, г. Якутск, ул. Белинского, 58

Адрес редакции: 677000, г. Якутск, ул. Кулаковского, 42, каб. 228

Тел./факс: +7 (4112) 49-67-54

Северо-Восточный федеральный университет

<http://voprnalit.elpub.ru>

ISSUES OF NATIONAL LITERATURE

Academic periodical

Online edition

Published since 2021

The frequency of publication is 4 times a year

The founder and publisher is Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “M. K. Ammosov North-Eastern Federal University”

1 (05) 2022

EDITORIAL BOARD

Head editor

A. B. Nikolaev, Doctor of Biological Sciences

Deputy chief editor:

P. V. Sivtseva-Maksimova, Doctor of Philology Sciences

Issuing Editor:

S. D. Darbasova, Ph.D. in Pedagogy

Members of the editorial board:

T. Argounova-Low, Ph.D. in Anthropology, University of Aberdeen, UK

V. A. Biguaa, Doctor of Philology, Leading Researcher, IMLI RAS, Moscow

A. A. Burtsev, Doctor of Philology, Professor, M.K. Ammosov NEFU, Russian Federation

Kaffi Naomi, Ph.D., Associate Professor, Reed College, Portland, USA

B. T. Koichuev, Doctor of Philology, Professor, Kyrgyz-Russian Slavic University, Kyrgyzstan

R. H. Kuliyeva, Doctor of Philology, Professor, Baku Slavic University, Azerbaijan

M. F. Nadyarnykh, PhD in Philology, Senior Researcher, IMLI RAS, Moscow

Y. B. Orlitskiy, Doctor of Philology, Leading Researcher, Russian State University for the Humanities, Moscow

P. A. Sleptsov, Doctor of Philology, Chief Researcher, Sector of lexicography of the Institute of Humanities and Social Sciences SB RAS, Russian Federation

K. K. Sultanov, Doctor of Philology, Professor, IMLI RAN, Moscow

A. T. Khamraev, Doctor of Philology, Professor, Institute of Literature and Art named after M.O. Auezov, National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan

K. K. Bauaev, Doctor of Philology, Associate Professor, Kabardino-Balkarian State University, Russian Federation

Zh. V. Burtseva, Ph.D. in Philology, Senior Researcher, Institute of Philology and Social Sciences, SB RAS, Russian Federation

L. P. Grigorieva, Ph.D. in Philology, Associate Professor, M.K. Ammosov NEFU, Russian Federation

N. I. Danilova, Doctor of Philology, Chief Researcher, Institute of Humanities and Social Sciences SB RAS, Russian Federation

U. A. Dongak, Ph.D. in Philology, Senior Researcher, Tuvan Institute for Humanitarian Research, Russian Federation

L. S. Efimova, Doctor of Philology, Associate Professor, M.K. Ammosov NEFU, Russian Federation

V. V. Illarionov, Doctor of Philology, Professor, M.K. Ammosov NEFU, Russian Federation

S. S. Imikhelova, Doctor of Philology, Professor, Buryat State University, Russian Federation

I. A. Kerimov, Doctor of Philology, Professor, Institute of Crimean Tatar Philology of History and Culture of Crimean Ethnic Groups, Russian Federation

G. S. Kunafin, Doctor of Philology, Professor, Bashkir State University, Russian Federation

S. O. Kuryanov, Doctor of Philology, Associate Professor, Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, Russian Federation

N. S. Mainagasheva, Ph.D. in Philology, Senior Researcher, Khakass Research Institute of Language, Literature and History, Russian Federation

O. A. Melnichuk, Doctor of Philology, Associate Professor, M.K. Ammosov NEFU, Russian Federation

L. Kh. Mukhametzyanova, Doctor of Philology, Associate Professor, Institute of Language, Literature and Art named after G. Ibragimov ANRT, Russian Federation

N. Kh. Nadergulov, Doctor of Philology, Chief Researcher, Head of the Department of Literary Studies, Ufa Federal Research Center of the RAS, Russian Federation

V. B. Okorokova, Doctor of Philology, Associate Professor, M.K. Ammosov NEFU, Russian Federation

N. V. Pokatilova, Doctor of Philology, Professor, Institute of Humanities and Social Sciences SB RAS, Russian Federation

L. N. Romanova, Ph.D. in Philology, Leading Researcher, Institute of Humanities and Social Sciences SB RAS, Russian Federation

V. G. Semenova, Doctor of Philology, Associate Professor, M.K. Ammosov NEFU, Russian Federation

Yu. G. Khazankovich, Doctor of Philology, Professor, M.K. Ammosov NEFU, Russian Federation

Founder and publisher address: NEFU, 58 Belinskogo str., Yakutsk, Russia, 677000

Editorial office address: NEFU, 42 Kulakovsky str., office 228, Yakutsk, Russia, 677000

Telephone/Fax: +7 (4112) 49-67-54

<http://voprnalit.elpub.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС

<i>Бурцев А. А., Бурцева М. А.</i> Поэтика фантастического в «Невыдуманном антиромане» Владимира Федорова.....	5
<i>Давыдова О. Н.</i> Хронотоп сна как слагаемое женской гендерной картины мира (на примере прозы С. Я. Сивцевой-Даны Сард).....	10
<i>Петрова Т. А.</i> Роман А. В. Кривошапкина «Берег судьбы»: этнографический контекст.....	16
<i>Титов Я. Н.</i> Асимметрия в реализации концепта «счастье» в художественном переводе (на примере перевода произведений Леонида Попова).....	24
<i>Шаринова А. С.</i> Особенности иварианта татарской советской драматургии 1930-1940-х гг.....	31

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ ФОЛЬКЛОРА. ПОЭТИКА

<i>Павлова О. К., Яковлева С. К.</i> Женские образы в якутском эпосе и эвенском нимкане.....	38
--	----

ТЕКСТОЛОГИЯ, СТИХОВЕДЕНИЕ

<i>Сивцева-Максимова П. В.</i> Автографы А. Е. Кулаковского: анализ рукописей работы «Якутской интеллигенции».....	46
--	----

ИНФОРМАЦИИ. ХРОНИКА

<i>Хазанкович Ю. Г.</i> Памяти Е. С. Роговера.....	58
--	----

CONTENT

HISTORY AND CONTEMPORARY LITERARY PROCESS

<i>Burtsev A. A., Burtseva M. A.</i> The Poetics of Fantastic in the «Unthinkable Antinovel» of Vladimir Fyodorov.....	5
<i>Davydova O. N.</i> The chronotope of sleep as a component of the female gender picture of the world: the case of Sardaana Sivtseva-Dana Sard's prose.....	10
<i>Petrova T. A. A.</i> Krivoschapkin's novel The Coast of Destiny: an ethnographic context.....	16
<i>Titov Y. N.</i> Asymmetry in the realization of the concept of happiness in literary translation: the case of translating Leonid Popov's novels.....	24
<i>Sharipova A. S.</i> Features of the invariant of the Tatar Soviet dramaturgy of the 1930s-1940s.....	31

THE LITERARY LIFE OF FOLKLORE. POETICS

<i>Pavlova O. K., Yakovleva S. K.</i> Female images in the Yakut epic and the Even Nimkan.....	38
--	----

TEXTUAL CRITICISM, POETRY RESEARCH

<i>Sivtseva-Maksimova P. V.</i> Kulakovskiy's manuscripts: an analysis of his work "To the Yakut intelligentsia".	46
---	----

INFORMATION. CHRONICLE

<i>Khazankovich Yu. G.</i> In memory of E. S. Rogover.....	58
--	----

– ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС –

УДК 821.512.157-31 Федоров

*А. А. Бурцев, М. А. Бурцева***Поэтика фантастического в «Невыдуманном антиромане»
Владимира Федорова**

СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Аннотация. В. Федоров, по профессии геолог, по призванию художник слова, начинал свой творческий путь как поэт, но сегодня вполне может подписаться под вольтеровским девизом «Все жанры хороши, кроме скучных». Настоящая статья посвящена его первому прозаическому произведению «Гражданин № 1 навсегда исчезнувшего города», жанровую специфику которого автор определил как «невыдуманный антироман». Действительно, в нем причудливо смешались «реальность, странная фантастика и абсурд». Подобно Д. Свифту и Г. Уэллсу, писатель умело «нейтрализует» фантастическое посредством целой системы художественных средств и приемов. В частности, для ограничения прямой фантастики В. Федоров использует обращение к форме сна, и его «антироман» построен как чередование снов и воспоминаний о далеком детстве. Далее, средством вуалирования фантастического служит его пространственная локализация и «включение» в подчеркнuto реальную, обыденную обстановку. Наконец, особая роль в поэтике фантастического у В. Федорова отведена фигуре автора-повествователя. Его присутствие в повествовании как очевидца и даже участника происходящего подтверждает достоверность фантастических ситуаций и событий.

Ключевые слова: антироман, фантазмагория, inferнальные фигуры, «фантастическая логика сна», пространственная локализация, «линейное письмо», вариант художественного синтеза.

БУРЦЕВ Анатолий Алексеевич – д. филол. н., профессор, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова.

E-mail: anatoly_burtsev44@mail.ru

BURTSEV Anatoliy Alexeevich – Doctor of Philology, Professor M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

БУРЦЕВА Марина Анатольевна – к. филол. н., доцент, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова.

E-mail: donnarosa36912@mail.ru

BURTSEVA Marina Anatolievna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

A. A. Burtsev, M. A. Burtseva

The Poetics of Fantastic in the Vladimir Fyodorov's "Unthinkable Antinovel"

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. Vladimir Fedorov, a geologist by occupation, an artist by vocation, began his career as a poet, but today he could subscribe to Voltaire's motto "All genres are good, except boring ones". This article is devoted to his first prose work "Citizen No. 1 of the forever vanished city", the genre specifics of which the author defined as "unthinkable antinovel". Indeed, "reality, strange fantasy and absurdity" are being mixed in it. Like Jonathan Swift and Herbert Wells, the writer skillfully "neutralizes" the fantastic by a system of artistic means and techniques. In particular, to limit direct fiction, Fyodorov uses an appeal to the form of sleep, and his "antinovel" is constructed as an alternation of dreams and memories of childhood. Further, the fantastic is hiding by spatial localization and "inclusion" in a real, everyday environment. Finally, a special role in the poetics of the fantastic in Fedorov's work is assigned to the figure of the author. His presence in the narrative as an eyewitness and a participant confirms the reliability of fantastic situations and events.

Keywords: anti-novel, phantasmagoria, infernal figures, "fantastic logic of a dream", spatial localization, "linear writing", variant of artistic synthesis.

Поэты обычно переключаются на прозу уже в солидном возрасте. В. Федоров создал свои произведения, составившие его первую прозаическую книгу – «Гражданин № 1 навсегда исчезнувшего города», «Звезда голуболикой Жаннет», «Скрипка», – до сорока лет.

Причем первое из них, получившее жанровое определение «невыводимый антироман», было написано в тридцать семь лет, роковом возрасте, когда «на их рубеже резко изменили свою судьбу или покинули подлунный мир немало гениев и талантов, и просто неспокойных людей» [4, с. 3], таких, как А. Пушкин, Д. Байрон, Р. Бернс, А. Рембо, Г. Аполлинер, В. Маяковский, В. Хлебников, Д. Хармс и другие. Писатель признается, что и в нем «на этой жизненной ступеньке что-то произошло» [4, с. 3]. С одной стороны, на него нахлынули воспоминания об исторической родине, о вполне реальном маленьком селе на берегу великой сибирской реки Лены, с другой – это были даже не воспоминания, а «какое-то неосознанное томление души»: «видения вбирали в себя и причудливым образом смешивали и реальность, и странную фантастику, и абсурд...» [4, с. 3-4]. В итоге он решил «построить свое повествование как чередование снов и воспоминаний о далеком уже детстве». При этом автор утверждает, что сны записаны с «такой точностью, с какой он их сумел запомнить» [4, с. 4]. Впрочем, вторая часть определения «невыводимый антироман» все же оставляет долю сомнения.

Тем более, что уже в «Сне первом» реальность причудливо «смешалась» с фантастикой. Накануне автор вместе со знакомой смотрел спектакль Московского театра имени А. С. Пушкина по драме Г. Горина «Дом, который построил Свифт», где персонажи романа британского писателя «Путешествия Гулливера» – великаны, лилипуты, гуингмы, йеху, – становятся частью реальности и где объявленный сумасшедшим декан собора Святого Патрика в Дублине, молчавший на протяжении всего представления, в финале неожиданно заявляет: «Я хочу написать продолжение

«Путешествий Гулливера»... Пятую часть этой книги. Самую важную! Последнюю... Путешествие в страну мертвых... Это путешествие я совершу сам». Сон стал продолжением этой фантазмагии: знакомая повела автора на сельское кладбище, чтобы «посмотреть его могилу», там находился памятник с его «овальным портретом на керамике», фамилией, именем, отчеством и двумя датами: первую он прочитал («31 марта 1951 года»), конец второй был закрыт венком («12 мая 19...»). Тут сон прервался. В ретроспективной части «Первого сна» речь шла об истории его рождения, «младенческих злключениях» и о том, как он стал «гражданином № 1» села Таас-Тумус», который вполне мог стать «городом».

В последующих «снах» происходят такие же невероятные события. Так, в «Сне втором» автор разезжает по довоенной Москве в компании со Сталиным и Кагановичем. В «Сне четвертом» он прилетает на вертолете в Таас-Тумус и «издалека замечает мужчину в несколько необычном для этих мест одеянии», с «красивой фигурой, гордо вскинутой головой...», им оказывается граф Монте-Кристо [4, с. 24]. В «Сне шестом» он причаливает на лодке к знакомому острову Курдатыр на Лене, обнаруживает на берегу воткнутую в песок табличку с надписью «Остров Святой Елены», сам трансформируется в майора русской армии 1812 года и попадает на прием к императору Наполеону [4, с. 40]. В «Сне девятом» автор плывет по Лене на теплоходе, высаживается на пустынный берег, видит затопленную автомашину «Победа» и в ней оказывается не кто иной, как Лаврентий Павлович Берия [4, с. 60]. В «Сне десятом» он летит на «Боинге» в Америку по приглашению Рэя Бредбери, который знакомит его с «господином Флобером» и «мадам Бовари» [4, с. 67]. В «Сне двенадцатом» он выступает с докладом о происхождении привидений на симпозиуме в Хельсинки [4, с. 83]. Во второй части этого сна, обращенной в прошлое, автор, наконец, спустя почти тридцать лет, приезжает в Таас-Тумус и обнаруживает от всей деревни один-единственный уцелевший дом. Это был его родной дом, который дождался своего блудного сына. На кладбище он не смог отыскать могилу деда, зато на выходе с погоста увидел большой куст черной смородины и вспомнил цветаевские строчки:

Сорви себе стебель дикий
И ягоду - ему вослед,
Кладбищенской земляники
Крупнее и слаще нет...

В последнем «Сне тринадцатом» автора встречает «Она»: то ли это его первая любовь Маринка Валкова из рассказа «Портрет Марины Влади», так и не дождавшаяся его в реальной жизни, то ли Лона Бриз из «Сорока дней», наоборот, дождавшаяся любимого в ирреальном мире на отдаленной звезде Вега, то ли русалка из «Большой Белой Рыбы», которой лирический герой одноименного стихотворения «тихо-тихо шепнул: Утащи меня на дно...». Так или иначе «Она» обещает ждать, и ностальгия по родной земле постепенно «переливается» в грустную мелодию:

Вот я и приплыл, вот я и пришел,
Здравствуй, моя родина...
Слишком долго плыл, слишком долго шел
Я издалека.
Как немой укор на меня глядит
Черная смородина.
Как она горька!
Как она горька!
Как она горька!

При всей фантастичности мира, изображенного в произведении, и невероятности происходящих событий, между сном и явью существует определенная логическая

связь. В «Сне первом» дата рождения на могиле живого человека сочетается с реальным описанием его «жизненного старта». В «Сне втором» нелепый вопрос Сталина о «светлом будущем» в реальности оборачивается разрушительным наводнением, символизирующим «застой и развал». В «Сне третьем» намерение покойных стариков забрать автора с собой сопровождается рассказами бабы Мани о нечистой силе. Встреча с графом Монте-Кристо в «Сне четвертом» вызывает в его памяти приезд дяди Миши с Графского берега. В «Сне пятом» автор едва спасается от огромного медведя, который проваливается в старую могилу на кладбище, а в прошлом он вспомнил смерть дяди Коли Рейха, отца его друга детства. Визит к Наполеону в «Сне шестом» и разговоры о Пушкине и Кутузове ассоциируются в его памяти с боями местного значения в Таас-Тумусе между ветеранами гражданской войны. В «Сне седьмом» земляки напоминают ему об обещании написать о них, и это вызывает у него поток воспоминаний о детских забавах, различных нелепых происшествиях в Таас-Тумусе. «Сон восьмой» переносит автора в село со странным названием Верхне-Туманское, где якобы живет его одноклассница Нинка. Деревня как будто вымерла, хотя из труб домов, утонувших в снегу, шел дым. Почему-то в самом центре села находилось кладбище, и чей-то невнятный голос звал его... А в воспоминаниях возникают образы школьных товарищей, в том числе и Нинки. В «Сне девятом» он сталкивается с самим Берия, сидящим в затопленной машине, а вокруг него валялись маленькие бюсты людей, высеченные из камня красноватого цвета. Этот зловещий сон напомнил рассказы бабы Дарьи о репрессированных литовцах, переселенных на Север. В «Сне десятом» автор оказывается в гостях у американского писателя Рэя Бредбери, а его воспоминания связаны с книжным киоском в Таас-Тумусе, куда местные читатели просили завозить не произведения Мопассана и Флобера, а «Угрюм-реку» В. Шишкова и «Золото» Д. Мамина-Сибиряка. В «Сне одиннадцатом» во время гражданской войны он оказывается в тылу у Колчака, чтобы раздобыть золото для Советской власти. На обратном пути в Красноярске он должен встретиться с Горбачевым и доложить о выполнении задания, но, будучи разоблаченным, едва спасается, на ходу спрыгнув с поезда. Далее снова начинаются воспоминания о школе, детских проделках и шалостях, иногда безобидных, иногда и опасных. «Сон двенадцатый» расширяет как пространственный ареал повествования, так и его трансцендентный уровень: в первой, современной части автор участвует в международной конференции по проблемам привидений в Финляндии, во второй, ретроспективной части рядом с современниками космической эры, Фиделем Кастро и Патрисом Лумумбой, упоминает inferнальные фигуры тунгусских шаманов и якутских ойунов. И наконец, следует трогательное воспоминание о переезде из Таас-Тумуса в районный центр Сангар в соответствии с политикой ликвидации «неперспективных» деревень. Финальный «Сон тринадцатый» снится автору на родной земле, куда он приезжает через тридцать лет.

Создавая свой «антироман», В. Федоров умело «нейтрализовал» фантастическое посредством целой системы художественных средств. Прежде всего, способом ограничения прямой фантастики служило обращение к форме сна. Сама по себе «фантастическая логика сна», как писал М. М. Бахтин, создавала невозможную в обычной жизни исключительную ситуацию» [2, с. 171, 196]. Кроме того, писатель «оставил неизменными все имена и фамилии» лиц, имевших отношение к его малой родине Таас-Тумусу [4, с. 4]. То же самое относится и к историческим личностям, упоминаемым в произведении. Так, во время своих снов он встречается со Сталиным, Кагановичем, Монте-Кристо, Наполеоном, Берией, Бредбери. При этом правдоподобие фантастического достигается посредством описания некоторых деталей их внешнего вида. Например, граф Монте-Кристо был во «фраке, цилиндре и с тростью в руках» [4, с. 24]. У Наполеона на плечах были «не императорские эполеты, а погоны полковника» и «мундир на нем из старого, отлинялого сукна» [4, с. 40-41]. До встречи с Бредбери автор

не знал, как он выглядит, а «теперь выясняется, что Рэй достаточно высокий, худошавый, носит скиперскую бородку, у него прямой нос и добрые лучистые глаза» [4, с. 66].

Средством вуалирования фантастического является детализация внешнего материального мира [3, с. 214]. Вилла того же Рэя Брэдбери «представляла из себя большой рубленый дом с мезонином, еще совсем новый, поскольку бревна не успели потемнеть, сияют желтизной; поблескивает на торцах золотистая свежая смола» [4, с. 66]. Той же цели служит пространственная локализация происходящего во всех сновидениях. Так, наряду с Таас-Тумусом и Сангаром, изображаемые события происходят в Москве, Якутске, Вильнюсе, Красноярске, Иркутске, Хельсинки, Графском берегу, Китчане, Куокуе, Кюсюре, Чекуровке, Пеледуге.

Далее, сам автор становится участником реальных событий, происходивших в прошлом. Например, в «Сне шестом» он трансформируется в майора русской армии времен Отечественной войны 1812 года [4, с. 40], а в «Сне одиннадцатом» во время гражданской войны «едет на трансибирском экспрессе куда-то в тыл Колчака... с заданием к старателям: Советской власти позарез нужно золото» [4, с. 73].

В целом «Гражданин № 1 навсегда исчезнувшего города» был задуман В. Федоровым как «памятник» его малой родине и землякам, обитателям «исчезнувшего» в реальности, но «навсегда» оставшегося в их душе Таас-Тумуса.

Необычайно сложным представляется творческий метод В. Федорова, которому чуждо «линейное письмо». В его произведениях обнаруживаются признаки всех известных методов от классического реализма до реализма «магического» и постмодернизма, включая черты натурализма и неоромантизма. Иными словами, автор «Сезона зверя» создает вариант художественного синтеза, успешно совмещая «старый» и «новый» опыт, «тезис» традиционного повествования и «антитезис» современного дискурса [1, с. 331].

Л и т е р а т у р а

1. Андреев Л. Г. Чем же закончилась история второго тысячелетия? (Художественный синтез и постмодернизм) // Зарубежная литература второго тысячелетия. 1000-2000. – М.: Высшая школа, 2001. – С. 292-334.
2. Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. – М., 1979. – с. 320.
3. Бурцев А. А. Английский рассказ конца 19 – начала 20 века. Проблемы типологии и поэтики. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1991. – с. 336.
4. Федоров, Владимир. Звезда голуболикой Жаннет. Повести. – Якутск: Бичик, 1993. – 235 с.

R e f e r e n c e s

1. Andreev L. G. Chem zhe zakonchilas' istoriya vtorogo tysyacheletiya? (Hudozhestvennyj sintez i postmodernizm) // Zarubezhnaya literatura vtorogo tysyacheletiya. 1000-2000. – M.: Vysshaya shkola, 2001. – S. 292-334.
2. Bahtin M. Problemy poetiki Dostoevskogo. – M., 1979. – s. 320.
3. Burcev A. A. Anglijskij rasskaz konca 19 – nachala 20 veka. Problemy tipologii i poetiki. – Irkutsk: Izd-vo Irkut. un-ta, 1991. – s. 336.
4. Fedorov, Vladimir. Zvezda golubolikoij Zhannet. Povesti. – Yakutsk: Bichik, 1993. – 235 s.

УДК 821.512.157-3 Сард.09

О. Н. Давыдова

Хронотоп сна как слагаемое женской гендерной картины мира (на примере прозы С. Я. Сивцевой-Даны Сард)

СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Аннотация. В статье на материале прозы известной якутской писательницы Сардааны Яковлевны Сивцевой-Даны Сард рассматривается роль хронотопа сна в женской прозе. В женской прозе в качестве художественных средств в изображении человека значительное место занимают сновидения, которые имеют, во-первых, сюжетообразующую функцию, во-вторых – функцию психологического раскрытия характера. На наш взгляд, в женской прозе наиболее ярко выражен гендерный оттенок. Сон и его видения раскрывают в характерах героинь их тайные желания, скрытые призвания и богатый, яркий внутренний мир персонажей и развивают читательское воображение об их жизни. В процессе изучения сновидений в сюжетах автора выявлены существенные особенности хронотопа в женском тексте, которые позволяют полнее раскрыть течение, развитие мыслей и переживаний героинь. В хронотопе сна выявляются особенности поэтики женской прозы. Намечены перспективы дальнейшего исследования хронотопа сна в гендерном аспекте и изучения произведения относительно особенностей сюжета, композиции, системы образов, структуры языка, характерных для стилистики женской прозы.

Ключевые слова: сновидение, функция сновидения, поэтика сновидения, хронотоп сна, онейрический хронотоп, онейротоп, гендерная картина мира, гендерный аспект, женский текст.

O. N. Davydova

The chronotope of sleep as a component of the female gender picture of the world: the case of Sardaana Sivtseva – Dana Sard's prose

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. The article considers the role of the chronotope of sleep in women's prose based on the prose of famous Yakut writer Sardaana Sivtseva – Dana Sard. In women's prose, dreams occupy a significant place as an artistic means in the image of a person, which have, firstly, a plot-forming function, and secondly, the function of psychological disclosure of character. In our opinion, the gender connotation is most pronounced in women's prose. The dream and its visions reveal in the characters of the heroines their secret desires, hidden vocations and the rich, bright inner world of the characters and develop the reader's imagination about their lives. In the process of studying dreams in the author's plots, the essential features of the chronotope in the female text are revealed, which allows us to more fully reveal the flow, development of thoughts and experiences of the heroines. The chronotope of sleep reveals

ДАВЫДОВА Олимпиада Николаевна – магистрант Института языков и культуры народов СВ РФ, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова.

E-mail: davon80@mail.ru

DAVYDOVA Olimpiada Nikolaevna – Master's student, Institute of Languages and Culture of the Peoples of the North-Eastern of the Russian Federation, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

the peculiarities of the poetics of women's prose. The prospects for further research of the chronotope of sleep in the gender aspect and the study of the work regarding the features of the plot, composition, image system, language structure characteristic of the stylistics of women's prose are outlined.

Keywords: dream, dream function, dream poetics, dream chronotope, oneiric chronotope, oneirotope, gender worldview, gender aspect, female text.

В древней мифологии греков сны считались непререкаемой истиной и воспринимались как знаки, послания богов. Исследователь поэтики снов в античной литературе Т. Ф. Теперик делит все сновидения на три группы: сны-предсказания, сны-утешения и сны-воспоминания [8, с. 217]. М. М. Бахтин при анализе функции литературных сновидений принимает во внимание также и жанровую природу текста. Значение пророчества, побуждения или предостережения, по его мнению, имеют только сны в эпосе, в то время как в мениппее и в целом в литературе, основанной на карнавальном начале, «сновидения разрушают эпическую и трагическую целостность человека и его судьбы» [1, с. 325] и выполняют, таким образом, психологическую функцию. В реалистической литературе усилился психологизм. Мотив сновидения стали использовать для более глубокого *проникновения во внутренний мир* героя, для толкования его поведения и поступков. Сон это особый хронотоп, имеющий свое особенное пространство (пространство сна или онейрическое пространство) и время (время сна или онейрическое время). Онейрический хронотоп, в котором даже в описании внешнего видения сна, условий сна, времени, момента пробуждения представляет ситуацию перемещения из одного времени-пространства в качественно другое. Е. Фарино отмечает, что онейрическое пространство в произведении принимает «вид то сновидений, то мечтаний, то миражей, то галлюцинированных картин, вызванных воображением или особым состоянием героя – утомленность, дремотность, расстройство; пространства-отражения, которые вводятся при помощи зеркал или иных отражающих поверхностей; пространства-представления, которые создаются путем пространственного понимания заведомо непространственных явлений, например, типа пространства музыки, души, своего или чужого “внутреннего мира”, памяти, подсознания; мифологические пространства» [10, с. 376]. Онейрическое пространство, по определению В. Мазина, «заключено в образе, который является пейзажем» [4, с. 46–47]. Некоторые исследователи используют термин «онейротоп». «Онейротопом мы называем комплекс художественных средств, связанный с изображением сновидения в текстах художественной литературы» [9, с. 105]. Исследователи значительно проработали проблему хронотопа при анализе художественного произведения. Хронотоп ими определяется как формально-содержательная категория, отражающая единство пространства и времени в литературном произведении. Кроме того, хронотоп является инструментом отражения и постижения реальной действительности. В своем труде «Формы времени и хронотопа в романе» М. М. Бахтин указывает на три функции хронотопа сна.

В новых эстетических поисках современной женской прозы достойное место занимает мотив сновидения. Именно он является наиболее значимым как в развитии сюжета, так и в раскрытии характера и внутреннего состояния героя. Сон и его видения являются сюжетообразующими элементами, в которых раскрывается сложное психологическое состояние женщины, ее богатый внутренний мир. В них выражены потаенные желания, нереализованные личностные способности героинь. Женская природа писательниц выявляется в гендерном оттенке произведения. Литературовед, специалист по якутской

женской поэзии В. Б. Огорокова отмечает, что «женский мир в произведении создается из особенностей авторского восприятия жизни» [6, с. 72]. Сновидение всегда судьбоносно и значимо для понимания авторской картины мира.

Дана Сард считается одной из ярких писателей современной якутской литературы. Ее рассказы «Незабываемый вкус прошлого», «Запирание», «Никогда не бывает поздно» вызывают у современного читателя неподдельный интерес к личности писателя, желание ближе познакомиться с ее биографией и творческой историей. Ее отличает интерес к внутреннему миру женщины, их образу жизни, характеру и т.д. Она пишет: «... Поиски себя и путь к себе – это долгий изнурительный путь. Мои произведения представляют собой отдельные моменты этого пути» [7]. Рассказы Даны Сард представляют собой структуру, в которой в качестве строительного материала автор использует элементы текстовой информации, формирующей художественную картину мира, как хронотоп сна. М. М. Бахтин отмечает особое изобразительное значение хронотопа, также существенно значение данной категории для воссоздания образа человека в литературе. Отражение реальной действительности, развертывание человеческого характера получают наиболее полное, целостное восприятие именно в контексте хронотопа. Важна роль хронотопа в активизации психологизма художественного текста. [5, с. 4]. Гендерный аспект раскрывает новые пути в исследовании внутреннего мира героинь, мотивации поступков, чувств, мыслей. Жизненный путь героини рассматривается автором как бы через увеличительное стекло: дается внутреннее напряжение самой героини и вместе с тем авторские размышления о смысле жизни, о силе и слабости человека.

Сон становится главным средством гендерного замысла автора, тем самым образуя главный мотив поэтики текста. А. Б. Есин утверждает, что изображение внутреннего мира персонажа невозможно без использования повествования от первого лица [2, с. 4]. Художник раскрывает внутренний мир героя, вторгаясь в сокровенные желания героинь, обогащает читательское восприятие о персонажах. В сложном хронотопе сна персонаж может оказаться как бы вне времени, вечности, а в его пространстве действительность наполняется ирреальным содержанием.

В рассказе Даны Сард «Сүлүһүннээх таптал» ("Злобная любовь") в психологической характеристике героини рассказа хронотоп сна занимает основное место. После измены мужа Мария заливает свое горе алкоголем. Она, во всем этом обвиняя себя, считает себя несостоявшейся женой. Также ее удручают отношения с детьми, и она постоянно ищет ответы на вопросы "Какая же я мать?". Сон таинственным образом предсказывает судьбу героини и дает ответ на ее жизненно важный вопрос – всю себя посвятить детям. Сновидение становится знаменательным для чувствительной Марии. Поэтому важен сон, в котором она теряет своего сына Афоню. Спohватившись, видит его рядом с умершей бабушкой. Бабушка ведет за руку внука. Подобный сюжет сна можно считать предупреждением. Видеть во сне умершего человека – неблагоприятный знак. Сон может означать болезнь кого-то из близких людей. Так она предвидит болезнь старшего сына. Кроме того, поиски ребенка во сне можно считать символом неуверенности женщины, которая не в ладных отношениях со своими детьми. Чувствительная, переживающая Мария наяву ищет смысл жизни, свое предназначение, пытается изменить судьбу. Второй знаковый сон – предвидение болезни своей единственной дочери. Во сне дочка Мотя предстает незнакомой старой женщиной. Автор отмечает ее блестящую белую одежду и непохожесть с другими женщинами, она вся светлая, сияющая, как бы не от мира сего. Мария пытается броситься на шею старой женщины, говоря, что она ее дочь. Видеть старым своего ребенка – к болезни, к смерти. Таким образом, тема любви, самопожертвования ради любимых и родных раскрывается в мучительных переживаниях героини, ответ на которых содержится в ее снах. Главная героиня сознает цель своей жизни и свою нужность детям. Таково сновидение-предупреждение.

Сны, в которых героини предчувствуют судьбы близких людей, воспринимаются как сны-мучения, сны-видения.

В произведении «Хатаны» («Запирание») сновидение наводит героиню на беспокойные мысли, стирая границы реальности. До «запирания» у Клары были любимый муж и работа. Но муж оставил Klarу ради молодой красивой женщины. В то время Клара решается пробовать себя в роли матери, но ее приемная дочь умирает от болезни. Предательство мужа, смерть родного человека заставили Klarу запереть на замок не только любимые вещи, но и свое сердце. После вещего сна Клара встречает своего любимого человека. Во сне она идет на свидание с мужчиной. Идя на встречу, отчетливо видит окружающую действительность – дверь, мебель номера гостиницы, также незнакомого ей мужчину. Она чувствует огромное притяжение к этому человеку. Это сон-предвидение, и женская интуиция ее не обманывает. Спустя некоторое время в ее жизни наяву появляется мужчина. Эркин освобождает ее от запирания, заставляет заново поверить в любовь, почувствовать себя женщиной. И с этого момента начинается новая жизнь Клары. Познав новые эмоции, Клара впервые чувствует себя живой. В ключевых словах Клары: «Мое прошлое подобно сну» реальное как бы становится миражом, возникает сложный хронотоп рассказа. В этом случае автор использует хронотоп сна как средство познания человеком самого себя, раскрытия внутреннего мира героини, ее картины мира. Сон Клары отличается резкой сменой картин, эмоциональностью. Ее сон принимает вид мечтаний, миражей, это сон-предвидение. Важно отметить, что использование такого онейрического пространства является характерной чертой поэтики женской прозы.

В рассказе «Дэриэбинэ» («Деревня») во сне героини создается «иная реальность». Ей снятся сны – видения. Во сне к ней приходит молодой человек, и они как будто в реальности живут как муж и жена. Но это происходит только во время сна. Такой сон повторяется каждый раз, его хронотоп становится постоянным, знаковым. Нарыйа пребывает в плену своего сна, она его знает как бы наизусть и снова готова окунуться в него. Реальная жизнь Нарыйи грустна, уныла. Все началось с развода родителей, когда мать ушла от отца Нарыйи. А отец не разрешал матери видеться с дочерью. Так закончилось ее беззаботное детство, а в душе осталась незаживающая рана. Она познает, что такое одиночество. А сон ей дает познание гармонии – когда любящие люди вместе и всегда счастливы. Здесь сон главной героини раскрывает и объясняет особенности ее характера, тоскующего от несбыточности мечты и нереализованности желаний. Потому автор говорит, что ночная жизнь для нее более увлекательна, чем земная жизнь, она в тысячу раз ярче. Автор показывает, что одиночество часто становится причиной замкнутости женщины и ее отказа от восприятия реальной жизни. В этом она видит трагедию современного человека.

Таким образом, введение сна в словесную ткань повествования – это наличие авторской воли, его старание оставить читателя один на один с героем. Тем не менее, сновидение неизменно важно и значимо для постижения авторской концепции в совокупности.

Весомая также эмоционально-оценочная функция сновидений. В рассказе «Ааспыт ааспат амтана» («Незабываемый вкус прошлого») главной героине снятся сны-кошмары про мужа-изменника. В этих снах раскрывается внутреннее состояние героини. Внешне она выглядит невозмутимо, спокойно. Но видно, что ее душа живет своей жизнью, в которой все бурлит и кипит. Это больная, измученная душа. Она ищет ответы на жизненно важные вопросы и каждый раз видит свои сны до конца. Сон дает ей ответ – разорвать отношения с мужем и навсегда забыть о нем. Невзирая на то, что он пытается сохранить брак, она уже без сожаления расстается с ним.

В непосредственной связи с эмоционально-оценочной функцией хронотопа сна находится моделирующая функция. Это объясняется тем, что в снах моделируется

особая обстановка, которая после пробуждения подвергается анализу и оценивается героем. Сновидения наводят героинь на размышления о собственных поступках и о жизни вообще. Дана Сард использует внутренний монолог, показывает способность героинь к рефлексии и то, как они справляются со своими беспорядочными мыслями и переживаниями. Писательница точно выстраивает размах чувств героинь, которые во снах проходят границу невозврата в реальность. А. Б. Есин утверждает, «что психологизм имеет самое непосредственное отношение к стилю произведения, всего творчества писателя, иногда даже целого литературного направления или течения. Психологизм, когда он присутствует в произведении, выступает как организующий стилиевой принцип, стилиевая доминанта, т.е. главное эстетическое свойство, решающим образом определяющее художественное своеобразие произведения и подчиняющее себе строение всей образной формы. Таким образом, мы можем говорить о психологическом стиле, точнее – даже о множестве психологических стилей, так как различия в конкретных особенностях проблематики каждого писателя и даже каждого произведения порождают и соответствующее многообразие индивидуально неповторимых стилей; поэтому у каждого писателя – «свой психологизм» [3, с.7]. Так, традиционный сон-разоблачение окрашивается своеобразными метафорическими образами, присущими женской душе и определяющими своеобразие женской природы, ее мистического наития.

Выводы.

Таким образом, в хронотопе сна заключен целый мир. Хронотоп сна, во-первых, несет сюжетообразующую функцию, во-вторых – функцию психологического раскрытия характера. Именно они являются наиболее значимыми как в развитии сюжета, так и в раскрытии характера, психологии героя. Сон и его видения являются сюжетообразующими элементами, в которых раскрывается сложная женская психика, их богатый внутренний мир. В них выражены потаенные желания, нереализованные личностные способности героинь. Женская природа самой писательницы придает произведениям вспомогательный гендерный оттенок. Хронотоп сна в женском тексте позволяет полнее раскрыть анализ мыслей и внутренних переживаний героинь. Использование хронотопа сна является характерной чертой поэтики женской прозы в целом.

С. Я. Сивцеву-Дана Сард отличает интерес к внутреннему миру женщины. Ее рассказы представляют собой сложную структуру, в которой в качестве строительного материала используются элементы текстовой информации, формирующие художественную картину мира. Гендерный аспект раскрывает новые пути в исследовании внутреннего мира героинь, мотивации их поступков, чувств, мыслей. Намечены перспективы дальнейшего исследования функции хронотопа сна в гендерном аспекте изучения художественного произведения относительно особенностей сюжета, композиции, системы образов, структуры языка, характерных для стилистики женской прозы.

Исследование хронотопа сна как слагаемого женской картины мира на материале прозы С. Я. Сивцевой-Даны Сард проявило следующие особенности поэтики сна в женской прозе: сон становится началом и линией развития сюжета произведения; пространство сна не является предметом фантазии, а является продолжением мира фактической реальности; хронотоп сна по сути вписывается в систему пространственно-временных отношений целого произведения, которое характеризуется пересечением настоящего, прошлого и будущего времени, без изменений пространства; Дана Сард в своих рассказах использует сон как средство раскрытия характера и психики героинь, при этом она выделяет такие разновидности сна, как сон-предупреждение, сон-предвидение и сон-кошмар. Пополняются функции сна: моделирующий, сюжетообразующий психологизм становится важнейшей характеристикой сновидений. В женской прозе наиболее ярко выражен гендерный оттенок, раскрывающий глубины женской природы, ее мистического наития, особенностей психики. Использование онейрического пространства является характерной чертой поэтики женской прозы.

Л и т е р а т у р а

1. Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского. – Киев: Next, 1994. – 509 с.
2. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Эпос и роман. СПб.: Азбука, 2000. – С. 9-193.
3. Есин А. Б. Психологизм русской классической литературы. М.: Просвещение, 1988. – 176 с.
4. Мазин В. Онейрография: Призраки и Сновидения. Нежин: ООО «Видавництво “АспектПоліграф», 2008. – 304 с.
5. Ноева С. Е. Поэтика времени и пространства в романах И. М. Гоголева. – Новосибирск: Наука, 2009. – С. 4.
6. Окорокова В. Б. Хомоҕой хоһоон хотуна. – Якутск: Бичик, 2002. – 72 с.
7. Сивцева С. Я.-Дана Сард. № 1. – Якутск, 2015. – 784 с.
8. Теперик Т. Ф. Литературное сновидение: терминологический аспект // Литература XX века: итоги и перспективы изучения: Материалы Пятых Андреевских чтений. – Режим доступа: <http://natapa.org/wp-content/uploads/2011/03/teperik.pdf>
9. Теперик Т. Ф. Поэтика сновидения античного эпоса: основные мотивы // Вестник культурологии. 2008. №3. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/poetika-snovideniya-antichnogo-eposa-osnovnye-motivy>
10. Фарино Е. Введение в литературоведение. СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. – 639 с.

R e f e r e n c e s

1. Bahtin M. M. Problemy tvorchestva Dostoevskogo. – Kiev: Next, 1994. – 509 s.
2. Bahtin M. M. Formy vremeni i hronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoy poetike // Bahtin M. M. Epos i roman. SPb.: Azbuka, 2000. – S. 9-193.
3. Esin A. B. Psihologizm russkoj klassicheskoy literatury. M.: Prosveshchenie, 1988. – 176 s.
4. Mazin V. Onejrografiya: Prizraki i Snovideniya. Nezhin: ООО «Vidavnictvo “AspektPoligraf», 2008. – 304 s.
5. Noeva S. E. Poetika vremeni i prostranstva v romanah I. M. Gogoleva. – Novosibirsk: Nauka, 2009. – S. 4.
6. Okorokova V. B. Homoҕой hoһoon hotuna. – Yakutsk: Bichik, 2002. – 72 s.
7. Sivceva S. Ya.-Dana Sard. № 1. – Yakutsk, 2015. – 784 s.
8. Teperik T. F. Literaturnoe snovidenie: terminologicheskij aspekt // Literatura XX veka: itogi i perspektivy izucheniya: Materialy Pyatyh Andreevskih chtenij. – Rezhim dostupa: <http://natapa.org/wp-content/uploads/2011/03/teperik.pdf>
9. Teperik T. F. Poetika snovideniya antichnogo epasa: osnovnye motivy // Vestnik kul'turologii. 2008. №3. – Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/poetika-snovideniya-antichnogo-epasa-osnovnye-motivy>
10. Farino E. Vvedenie v literaturovedenie. SPb.: Izdatel'stvo RGPU im. A. I. Gercena, 2004. – 639 s.

УДК 82-3

Т. А. Петрова

Роман А. В. Кривошапкина «Берег судьбы»: этнографический контекст

Амгинский лицей имени академика Л. В. Киренского, с. Амга Амгинского улуса, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются особенности творчества народного писателя Якутии А. В. Кривошапкина на примере его романа «Берег судьбы». Данное произведение представляет большой интерес для литературоведения: этнологические зарисовки романа изучены недостаточно. На конкретных примерах из текста романа «Берег судьбы» показана качественная характеристика явлений этнокультуры – реалий этнографии и фольклора эвенов. В работе дана новая интерпретация этнографических реалий из жизни северного народа. А. В. Кривошапкин показывает на художественном материале комплекс обрядов, обычаев и связанных с ними табу.

В романе представлено художественно-эстетическое осмысление культурно-исторического наследия эвенов (ламуты) – материальной и духовной культуры этноса. Статья актуализирует проблему сохранения и популяризации знаний о традиционной и современной культуре, языке, фольклоре и этнографии одного из древнейших народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Ценностные трансформации под влиянием глобализации актуализируют изучение романа А. В. Кривошапкина «Берег судьбы». Анализ творчества эвенского поэта, прозаика, публициста, внесшего большой вклад в развитие эвенской литературы, важен и необходим также в практике школьного и вузовского образования.

Ключевые слова: эвенская литература, Андрей Кривошапкин, северный роман, «Берег судьбы», этнореалии, писатели Севера, Сибири и Дальнего Востока.

T. A. Petrova

A. Krivoshapkin's novel The Coast of Destiny: an ethnographic context

L. V. Kirensky Amga Lyceum, Amga, Amginsky District, Russia

Abstract. The article considers the writing of People's writer of Yakutia Andrey Krivoshapkin on the example of his novel The Coast of Destiny. This work is of great interest for literary studies, the ethnological sketches of the novel have not been studied enough. The article gives a new interpretation of ethnographic realities from the life of the Evens. Using concrete examples from the text of the novel The Coast of Destiny, the qualitative characteristics of the phenomena of ethnoculture – the realities of ethnography and folklore of the Evens are shown. Andrey Krivoshapkin demonstrates a complex of rituals, customs and taboos associated with them on artistic material.

ПЕТРОВА Татьяна Александровна – учитель культурологии и истории, МБОУ «Амгинский лицей имени академика Л. В. Киренского», магистрант Филологического факультета, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова.

E-mail: probaapg2005@yandex.ru

PETROVA Tatiana Aleksandrovna – teacher of cultural studies and history, Academician L. V. Kirensky Amga Lyceum, Master's student, Faculty of Philology, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

The novel presents an artistic and aesthetic understanding of the cultural and historical heritage of the Evens (Lamuts) - the material and spiritual culture of the ethnic group. The article actualizes the problem of preserving and popularizing knowledge about traditional and modern culture, language, folklore and ethnography of one of the most ancient peoples of the North, Siberia and the Far East. Value transformations under the influence of globalization make the study of Andrey Krivoschapkin's novel *The Coast of Destiny* even more relevant. An analysis of the work of the Even poet, prose writer, publicist, who made a great contribution to the development of Even literature, is also important and necessary in the practice of school and university education.

Keywords: even literature, Andrey Krivoschapkin, northern novel, *The Coast of Destiny*, culture-specific words, writers of the North, Siberia and the Far East.

Постановка проблемы обусловлена исследованием творчества народного писателя Якутии А. В. Кривошапкина сквозь призму реальных связей художественной литературы с историей, этнографией, культурологией с целью выявления специфики функционирования этнографического контекста, этнореалий в романе «Берег судьбы».

Этнографический контекст прослеживается на протяжении всего творчества А. В. Кривошапкина, начиная с его ранних произведений. Тем не менее, ранее специфические особенности указанных связей не выявлялись. В романе «Берег судьбы» представлено культурно-историческое объяснение феноменов этнореалий повседневной и сакральной жизни эвенов.

Статья базируется на современных исследованиях по изучению концепции сохранения культурно-исторического наследия народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России, а также на работах исследователей вопросов прозы народов Севера В. Б. Огороковой, А. Н. Мыреевой, Ю. Г. Хазанкович, Ж. В. Бурцевой и др.

Прозаическое, поэтическое и публицистическое творчество А. В. Кривошапкина является объектом исследования и отражается в трудах Н. Н. Тобурокова «Андрей Кривошапкин. Очерк жизни и творчества» [9], книге под редакцией В. В. Огрызко «Эвенская литература» [12]. Ю. Г. Хазанкович выявила типологически устойчивые хронотопы на примере повестей и романного творчества автора, изучила жанровые особенности. Отметила важность взаимовлияния национального характера и ментальности не только героев, но и самого автора произведения. Исследователь установила тенденции развития национальной эвенской прозы в контексте становления романно-эпического мышления.

В. Б. Огорокова исследовала прозаические произведения А. В. Кривошапкина, выделив этапы становления творчества автора. Ученые сфокусировали свое внимание на концепции и эволюции героя, обращение к нелегкой судьбе своего народа [12, с. 192].

Исследователи доказывают, что поэт смог передать внутреннюю силу, непоколебимость северного человека перед суровой природой [6]. Они отмечают важность высокой экологической культуры героев произведений А. В. Кривошапкина в рамках традиционного уклада жизни, истории народа в целом [12]. Ж. В. Бурцева выявила типологические признаки, составляющие критерии выделения локального Северного текста, провела анализ концепта «кочевье» на примере произведений А. В. Кривошапкина и других авторов.

Очевидно, что проза А. В. Кривошапкина изучена в жанровом, композиционном, образном, тематическом ракурсах. Однако романное творчество писателя исследовано довольно слабо, в частности, не исследовано в междисциплинарном, историко-этнографическом контекстах. Обращение к творчеству А. В. Кривошапкина через

этнореалии в романе и его повестях видится весьма продуктивным и позволит выявить художественный образ мира эвенов, запечатленный в произведениях народного писателя.

Результаты исследования.

В романе «Берег судьбы» автор уделяет пристальное внимание традиционному укладу деятельности эвенского народа, стремится воссоздать эпическую картину жизни народа. Этнографизм как часть исторической памяти может рассказать о многом. Обычаи, обряды очень устойчивы, они могут остаться от давно ушедшей эпохи на целые века. Исследование романа проводится в сравнительно-историческом и этнографическом контекстах с целью выявить особенности раскрытия характеров героев-этнотипов и связанной с этим художественной реализацией авторского замысла.

Этнограф С. А. Алексеева утверждает, что параллельно с традиционным укладом «существовали отношения зависимости и подчинения» [1, с. 18]. В романе описываются жизнь, быт, занятия народа, который живет в суровых условиях Севера [12, с. 190]. Для северных людей испокон веков основным богатством является олень (средство передвижения, пища, одежда, утварь, жилище и др.). Большинство героев романа – носители родового сознания, это общество кочевников и оно мыслит потребностями кочевого образа жизни: «где ему удобно, выбирает место, приспосабливается к нему» [2, с. 126].

Так, автор точно описывает характер, мысли, чувства представителей кочевого народа. В начале романа А. В. Кривошапкина «Берег судьбы» -пора страшной засухи. Эвен – охотник, в поисках живой влаги, совсем потерял надежду, готовится к лютой смерти оленя и всего своего рода. Вдруг он набрел на распадок, полный жизни. Увидел сочные тальники, белый ягель – спасение для оленя: «Он, воспитанный самой природой быть сдержанно-суровым, заплакал» [4, с. 11].

Настоящий эвен – это человек с высокими моральными качествами, врожденным тактом, человек, воспитанный самой Природой, выступающей в романе как глобальное существо. По ходу повествования мы видим четко построенную систему отношений между соплеменниками, непререкаемый авторитет старших, авторитет мужчины. «Байдычан сурово взглянул на Уйбанжу. Тому было достаточно, чтобы утихомириться» [4, с. 24]; «Мать подала знак дочери, чтобы та вывела братишек во двор. Мужчины пусть останутся одни и ведут свой разговор», а когда Гоголев преподнес в дар всем богачам ножи, они выскочили из чума, и вернулись с пушниной в ответ: «ламуты не привыкли брать даром» [4, с. 62].

У эвенов традиционно не принято называть главу семейства именем, величают просто – отец детей или отец первенца. «Что-то долго нет отца детей», - думала Анна [4, с. 13].

«Время у северян словно «растворено» в пространстве, пространственно-временная перспектива заложена в самом сознании северян» [10]. Время в понятии эвена сливается с самой природой, солярные объекты были важны при этом. В языке эвенов есть следы лунного времяисчисления [3, с. 130]. «После его отъезда месяц уже четыре раза появлялся на небе и снова уходил», - думал Нэге [4, с. 12].

В романе описаны отношения бэгэнов – зажиточных ламутов и кэлмэ – бедняков, находящихся в тяжелой нужде и рабстве у богачей-соплеменников. Читатель становится свидетелем разложения племенного строя эвенов. Некогда равенство всех членов рода сменилось имущественным расслоением. Так Байдычан, Корпикай, Нээдэми, Тимпоркит, Уйбанжа живут хорошо. Вот как А. В. Кривошапкин описывает момент пира по случаю приезда важного гостя из Верхоянска: «Низкий, но широкий стол ломится от еды. Чего только здесь нет: и костный мозг, и мерзлая и жареная печенка, и мерзлое оленьё молоко. Вареное мясо дымит горой, на одном подносе – медвежатина, на другом – сохатина, на третьем – оленина» [4, с. 21]. Богатых эвенов слышно издали – олени несутся быстро, и нарта без скрипа ударяется о мерзлую землю.

Общепринятой формой заключения брака у эвенов был брак по сватовству, с уплатой калыма. А. В. Кривошапкин детально описывает обряд сватовства. У ламунхинских эвенов к родителям невесты практиковалось направлять только одного свата. В этой роли выступали в основном пожилые уважаемые люди. С этой целью в чум Нэге был отправлен старик Сэмэкэн. «Это был добродушный, пожилой уже человек, отличавшийся мягким нравом. Все сородичи с уважением относились к нему. Даже богач Нээдэми, крутой и своенравный, считался с его мнением» [4, с. 47]. Интересен момент прихода свата в дом невесты: Сэмэкэн, войдя в помещение, молча снял верхнюю одежду, также молча подсел к огню, стал подкидывать лежащие стопкой дрова в очаг. Родители Тати сразу осознали цель приезда гостя. Такой обряд чаще практиковался у томпонских эвенов [1, с. 62]. Далее автором описывается момент курения трубки. Сэмэкэн протянул свою раскуренную трубку хозяину дома, и тот принял ее, показав тем самым, что приветствует его приезд.

Брак у эвенов заключался по сватовству, если состоялся сговор между родителями жениха и невесты. К началу XX в. родители начинают прислушиваться к мнению молодых. И этот историко-этнографический факт находит художественное воплощение в романе А. В. Кривошапкина. Так, Нэге, узнав, что Нээдэми просит руки его дочери для своего сына Анания, ответил только: «Эмнэву...» (перевод: «не могу»). Он не захотел идти против воли единственной дочери, понимая, что Тати будет глубоко несчастна в богатом семействе, выполняя роль рабыни. Нэге давно решил, что дочь сама выберет себе мужа, когда придет время. Поэтому и во второй, и в третий раз Нээдэми получил отказ. «Зачем же так добиваются ее упорно? Настоящие ламуты так не поступают», – думала Анна. Сам Нэге женился на Анне вслепую. Их родители между собой договорились. «Покурили вместе, забили оленя – и все. Никакой свадьбы». Когда Анна переезжала на верховом олене в стойбище мужа, мать сказала ей: «Не оглядывайся назад, дочка. Смотри только вперед». Автор поясняет: «ламуты искренне верили этому поверью, которое гласило, что если невеста посмотрит назад, то брак может оказаться неудачным». Здесь прослеживается обряд накрывания лица невесты покрывалом во время выезда свадебного поезда невесты, семантика которого восходит к практике брака умыкания девушки. И в этом случае похищенной женщине «не позволяли видеть дорогу, чтобы она не смогла вернуться обратно» [8, с. 58].

Религиозные воззрения эвенов также находят свое отражение в романе и показаны А. В. Кривошапкиным в традиционной обрядности сородичей на протяжении всего повествования. Отмечается зависимость оленеводов и охотников от природы, ее стихий, духов-хозяев. Автор говорит о том, что отношение людей к духам-хозяевам природы различно. Напомним, что каждый природный объект, явление или предмет имеют своего духа-покровителя, чаще встречаются описания географических объектов – реки, местности, горы [3, с. 122]. Читатель может проследить ритуалы и обряды почитания духов-хозяев природы: «Дух Земли, если ты есть, пожалей меня, не дай погибнуть моей семье...» [4, с. 13]. Нэге мысленно обратился к кадару и вынул кусочек копченого жира, предназначенного для жертвоприношений», «Дух Нюлконжа нам поможет» [4, с. 19], при обращении к стихиям в корпусе романа встречаются фрагменты типа: «Наговаривая ласковые слова, одарили кусками жира дух огня» и т.д. Герои романа постоянно обращаются к духам, совершают жертвоприношения, просят совета, помощи.

В религиозном отношении эвены являются анимистами-шаманистами с развитыми культами оленя, огня, охотничьей магии. Шаман – посредник между миром людей и миром духов. А. В. Кривошапкин описывает случай прихода шамана в чум главного героя Нэге с целью его исцеления после несчастного случая. Читатель становится свидетелем шаманского камлания. «Весь вечер из чума слышались позвякивание побрякушек на одеянии шамана, его гортанные выкрики и глухие звуки бубна.» [4, с. 30]. После «схватки» со злым духом шаман повелел напоить больного кровью белого оленя.

Также описывается случай неудачной охоты Тиба и Тумээ, когда они потеряли собаку. Жена Тиба рассказала, что, когда она была маленькой, ей рассказывали бабушка и дедушка, что на этой речке давным-давно был похоронен великий шаман. Мимо его могилы ни один охотник не проезжал, не одарив чем-нибудь. На следующий день мужчины разыскали эту могилу, развели там костер, одарили умершего кусочками мяса и жира. Прочитали свои молитвы-просьбы. Позже им улыбнулась удача на охоте, и вернулся пес. «О, великий шаман помог вам, с такими словами Нэге бросил в огонь кусок жира» [4, с. 20].

В религиозных представлениях эвенов существовал культ «хозяев» природы, культ «хозяев» стихий. Были развиты промысловые культы. В систему этнических ценностей входят такие элементы, как промысловые орудия, ритуальные предметы, тотемные животные, священные деревья и т.д. «Животное выступает как прародитель человека, его учитель. Животное, а не человек выступает носителем человеческих свойств: мудрости и т. д.» [2, с. 126]. Семья главного героя имела своего идола – бессмертный дух священного белоснежного дикого оленя. «Старики утверждали, что охотник, сумевший добыть белого оленя, становится великим» [4, с. 33]. Нэге удалось добыть такого оленя на охоте. Его тщательно освежевали, оставив целыми все кости. Выделали шкуру и сшили из нее две выючные сээрुка – сумы, куда аккуратно сложили череп, копыта и скелет оленя. Сумы эти все время навьючивали на оленя по кличке Дюлэкэн, то есть Счастливым, берегли их. Наступает момент, когда семья просит помощи у своего идола, «женщина мысленно умоляла помочь семье», интересен момент после этих действий: «Муж и жена сделали вид, что успокоились, а то идол мог заподозрить, что ему не верят, и тогда его магическая сила могла исчезнуть» [4, с. 34].

А. В. Кривошапкин своим художественным вниманием не обошел описание охотничьих обрядов и охотничьей магии. Охотники часто обращаются за помощью к духам, удача улыбается тем, кто неукоснительно выполняет магические ритуалы, соблюдает промысловую этику. «Может, Байанай сжалится и подбросит что-нибудь» [4, с. 12]. Видно, что охотники очень суеверны, стараются соблюдать все тонкости, касающиеся охоты, удачи, надеются на успех. «Освежевали добычу без лишнего шума, ничем не выражая свою радость. Дух охоты Байанай иначе рассердится, отвернется охотничье счастье» [4, с. 19]. Однажды Нэге забыл в лесу нож, возвращаться вместе было тягостно, и он отправил за ножом сына. «По обычаям, нельзя на ночь оставлять нож под открытым небом, иначе его хозяин уподобится женщине» [4, с. 19]. «Омчэни вернулся домой взволнованный. Зайдя в чум, не стал сразу рассказывать про то, что увидел, старался держаться степенно, хотя это удавалось ему с большим трудом. Он с детства не раз слышал, что будущему охотнику не следует излишне суетиться, быть чрезмерно болтливым, иначе удача навсегда отвернется от него». Байкун хвалит Омчэни как удачливого охотника. Тот в ответ пугается. «Нет, Нет, так не говори, Байкун, - пугался Омчэни на похвалы. Он не раз слышал, что, когда охотника сильно хвалят, удача отворачивается от него. Поэтому просто обязан был приbedнаться, прикидываться слабым, неумелым» [4, с. 71].

Особое место занимала охота на медведя, она сопровождалась строгими правилами и обрядами. Напрямую медведя не называли, обращались к нему иносказательно. «Все кочевые люди преклонялись перед хозяином тайги, из-за боязни даже не называя его имени вслух» [4, с. 33]. Герои романа называют медведя ласково дедушкой. Омчэни рассказал, что нашел берлогу медведя. «Это не ты нашел, а ворон потревожил нашего дедушку – громко сказал Нэге, чтобы дух великого зверя услышал...» [4, с. 61]. «Если берлога на пути начинающего охотника, то это хорошее предзнаменование для него. Удастся добыть того зверя – быть ему великим охотником» [4, с. 61]. Считалось, что медведь сам сделал вызов охотнику. Не принять вызов равнозначно трусости. Тогда удача отвернется. В разговорах о медведе, планируя охоту, эвены называют себя вороном

и издают громкий возглас ворона: «Ку-ук!», подтверждая тем самым, что человек тут ни причем. Стараются много не обсуждать, готовятся без лишних слов. «Встали рано, до рассвета – по дороге молчали. Это было не бравადой, а степенью уважения к зверю» [4, с. 62]. В начале охоты медведя нужно обязательно предупредить, разбудить, считалось, что медвежий дух все слышит. Предки запрещали вероломную охоту на медведя. После того, как все понимали, что медведь мертв, самый молодой охотник должен был залезть в берлогу и привязать за шею зверя веревку. Когда медведя вытаскивали из берлоги, охотники также издавали вороний крик: «Ку-ук!». «Свежевали молча, в слух не хвалили, чтобы дух медведя не услышал и не стал мстить. Разделявали тушу по всем правилам, не перелаывая костей» [4, с. 63].

У эвенов был распространен обычай нимат – коллективное распределение после удачной охоты добытых трофеев. Исследователи описывают: «...любая охотничья добыча подлежала обязательному уравнительному распределению между всеми семьями стойбища» [3, с. 62]. В романе так или иначе делается упор на моменты, когда герои делятся друг с другом добычей, провиантом, табаком, это отголоски нимата.

В прошлом наблюдался патриархат и матриархат у эвенов. В работах исследователей подчеркивается, что «жизнь женщины табуирована» [8, с. 12]. Согласно поверью женщина не должна переступать через ружье, иначе оно теряет убийную силу. Сам охотник тоже плохо будет стрелять. В романе «Берег судьбы», есть сцена, в которой жена Тиба перешагнула через его ружье. «Тумээ, услышав про это, посоветовал окурить ружье дымом от костра, чтобы женский дух вместе с дымом улетучился» [4, с. 9]. Также нельзя переступать следы волков – обязательно отомстят [4, с. 35].

Хозяйственной жизни эвенов присуще четкое половозрастное разделение труда. Так, мужчины сооружали каркасы жилищ, занимались изготовлением нарт, лодок, а также орудий труда и охотничьей атрибутики.

Женщины же занимались шитьем, обработкой шкур животных, заготовкой бересты. «У эвенов издавна существовало два основных типа переносных жилищ: илум – конический чум общетунгусского типа, и чорама дю – оригинальная по своей конструкции цилиндро-коническая постройка, ураса или юрта» [3, с. 78-79]. Автор подробно описывает обе постройки: «Чора – привилегия богатых ламутов, бедные живут в тесном чуме - илуму, который сразу начинается от земли в виде конуса» [4, с. 42].

Нэге по вечерам рассказывает сыновьям легенды, например, легенду о сыновьях Агдыри, о первом олене. «Обращение к мифу, легенде позволяет писателю воссоздать мировоззрение народа, передать наиболее органичный способ его восприятия и отражения действительности, особенности его мышления» [7].

А. В. Кривошапкин посредством художественного воплощения этнореалий погружает нас в особую национальную атмосферу, что помогает читателю понять образ мыслей и внутренний мир героев. «Ламуты, в большинстве своем абсолютно искренни, как сама природа, поразительно честны, но в то же время наивны и доверчивы, как дети» [4, с. 42]. В условиях постоянной борьбы за жизнь существуют неписанные законы взаимовыручки и поддержки. «Много семей кочевало по этим местам. Оставляли в тайге своеобразные метки свидетельства – по-особому обтесывали деревья, делали суугар – дорожные знаки», «Когда приходила беда – разжигали костер, сигнал, может, кто увидит...» [4, с. 19]. «В таежной жизни доброта человеческая ценится особо, поэтому не забывается» [4, с. 54]. «Тончайшие механизмы адаптации человека к суровым климатическим условиям отразились в выработанных веками культурных комплексах народов Арктики, в их этнопедагогике, народной медицине, особом режиме питания, фольклоре, прикладном творчестве, в их обычаях и обрядах» [5, с. 100].

Заключение

Андрей Кривошапкин в романе «Берег судьбы» закономерно вводит элементы-маркеры традиционной и современной материальной и духовной культуры эвенов — оленеводов-кочевников тайги и тундры Севера и Арктики. Важной составляющей романа «Берег судьбы» являются этнореалии как ключ к пониманию психотипа героя.

При этом, безусловно, сохраняется историко-этнографический фон, в котором живут труженики Крайнего Севера. В романе отражены обряды и обычаи эвенов, элементы охотничьей магии, табу. А. В. Кривошапкин описывает также повседневную и сакральную промысловую практику. Так, его герои-добытчики часто обращаются за помощью к духам: удача улыбается тем, кто неукоснительно выполняет магические ритуалы, соблюдает промысловую этику. Автор погружает читателей в национальную атмосферу повседневного бытия; при этом становится понятен образ мыслей, внутренний мир эвенов. Кочевник — это большой ребенок, одушевляющий природу и стихии, являющийся шаманистом. Эвен не эгоистичен, не одиноличник, а герой с коллективным сознанием. Он не забывает, что является представителем родового мира; не отделен от природы — поклоняется и уважает мир людей и мир животных...

Таким образом, в романе А. В. Кривошапкина «Берег судьбы» актуализируется общая концепция сохранения для будущих поколений ценностей культурного наследия народов Арктики, а также Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ.

Л и т е р а т у р а

1. Алексеева, С. А. Традиционная семья у эвенов Якутии: (конец XIX- начало XX века): Историко-этнографический аспект. — Новосибирск: Наука, 2008. — 110 с.
2. Гачев, Г. Д. Национальные образы мира. Евразия — космос кочевника, земледельца и горца. — М.: Институт ДИ-ДИК, 1999. — 368 с.
3. История и культура эвенов: историко- этнографические очерки / [В. А. Туголуков, В. А. Тураев, А. Б. Спевиковский и др.]; Рос. акад. наук, Дальневост. отд-ние. Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. — Санкт-Петербург: Наука, 1997. — 179 с.
4. Кривошапкин, А. В. Берег судьбы. Роман / А. В. Кривошапкин // Полярная звезда: литературно-художественный и общественно-политический журнал / — Якутск. — 1956, 1993, № 3, май-июнь. — 159 с.
5. Мыреева, А. Н. «Многонациональный роман 1960-1980-х годов: Типологические аспекты» — Новосибирск: Наука. Сиб. предприятие РАН, 1997. — 159 с.
6. Огорокова, В. Б. Творческий путь Андрея Кривошапкина / В. Б. Огорокова // Сияние полярных огней. Якутск: Бичик, 2013. С. 98-112.
7. Пошатаева, А. В. Литературы народов Севера. — М.: Наука, 1988. — С. 43.
8. Семейная обрядность народов Сибири. — М.: Наука, 1980. — 240 с.
9. Тобуроков, Н. Н. Андрей Кривошапкин. Очерк жизни и творчества. Якутск: Северовед, 1999. — 69 с.
10. Хазанкович, Ю. Г. Время-пространство в прозе малочисленных народов Севера / Ю. Г. Хазанкович // *Studia Litterarum*. — 2017. — Т. 2. — № 2. — С. 230-243. — DOI 10.22455/2500-4247-2017-2-2-230-243. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29367674>
11. Хазанкович, Ю. Г. Фольклорно-эпические традиции в прозе малочисленных народов Севера: монография / Ю. Г. Хазанкович; отв. ред. д. филол. н. Ч. Г. Гусейнов; М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. агентство по образованию, ГОУ ВПО "Якут. гос. ун-т им. М. К. Аммосова". — Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2009. — 129 с.
12. Эвенская литература: сб. / сост. В. Огрызко. — М.: Литературная Россия, 2005. — 381 с.

References

1. Alekseeva, S. A. Tradicionnaya sem'ya u evenov Yakutii: (konec XIX- nachalo XX veka): Istoriko-etnograficheskij aspekt. – Novosibirsk: Nauka, 2008. – 110 s.
2. Gachev, G. D. Nacional'nye obrazy mira. Evraziya – kosmos kochevnika, zemledel'ca i gorca. – M.: Institut DI-DIK, 1999. – 368 s.
3. Istoriya i kul'tura evenov: istoriko- etnograficheskie ocherki / [V. A. Tugolukov, V. A. Turaev, A. B. Spevakovskij i dr.]; Ros. akad. nauk, Dal'nevost. otd-nie. In-t istorii, arheologii i etnografii narodov Dal'nego Vostoka. – Sankt-Peterburg: Nauka, 1997. – 179 s.
4. Krivoschapkin, A. V. Bereg sud'by. Roman / A. V. Krivoschapkin // Polyarnaya zvezda: literaturno-hudozhestvennyj i obshchestvenno-politicheskij zhurnal / – Yakutsk. – 1956, 1993, № 3, maj-iyun'. – 159 s.
5. Myreeva, A. N. «Mnogonacional'nyj roman 1960-1980-h godov: Tipologicheskie aspekty» – Novosibirsk: Nauka. Sib. predpriyatie RAN, 1997. – 159 s.
6. Okorokova, V. B. Tvorcheskij put' Andrey Krivoschapkina / V. B. Okorokova // Siyanie polyarnyh ognj. Yakutsk: Bichik, 2013. S. 98-112.
7. Poshataeva, A. V. Literaturny narodov Severa. – M.: Nauka, 1988. – S. 43.
8. Semejnaya obryadnost' narodov Sibiri. – M.: Nauka, 1980. – 240 s.
9. Toburokov, N. N. Andrej Krivoschapkin. Ocherk zhizni i tvorчества. Yakutsk: Severoved, 1999. – 69 s.
10. Hazankovich, Yu. G. Vremya-prostranstvo v proze malochislennyh narodov Severa / Yu. G. Hazankovich // Studia Litterarum. – 2017. – T. 2. – № 2. – S. 230-243. – DOI 10.22455/2500-4247-2017-2-2-230-243. Rezhim dostupa: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29367674>
11. Hazankovich, Yu. G. Fol'klorno-epicheskie tradicii v proze malochislennyh narodov Severa: monografiya / Yu. G. Hazankovich; otv. red. d. filol. n. Ch. G. Gusejnov; M-vo obrazovaniya i nauki Ros. Federacii, Feder. agentstvo po obrazovaniyu, GOU VPO "Yakut. gos. un-t im. M. K. Ammosova". – Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2009. – 129 s.
12. Evenskaya literatura: sb. / sost. V. Ogryzko. – M.: Literaturnaya Rossiya, 2005. – 381 s.

УДК 821.512.157 Попов.06

Я. Н. Титов

Асимметрия в реализации концепта «счастье» в художественном переводе (на примере перевода произведений Леонида Попова)

СВФУ им. М. К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Аннотация. Актуальность темы обусловлена тем, что в современных теориях перевода важное место занимает теория языковых концептов, в которых утверждается мысль, что при переводе необходимо не только обращать внимание на передачу формы, смысла исходного текста, но и стремиться передать некий культурный код, в котором заложено отношение народа, его видение окружающей действительности, менталитет, мировоззрение. Цель исследования – анализ асимметричности реализации концепта «счастье» в романах «Тогой Сэлэ», «Земля Мэи» известного якутского писателя Леонида Андреевича Попова (1919-1990) и в их переводах на русский язык, осуществленных А. Гурулевым. В статье выявляются особенности репрезентации концепта «счастье» в русской и якутской языковых картинах, их асимметрия на понятийном уровне. Научная новизна заключается в том, что впервые сделана попытка анализа асимметричности реализации концептов на примере произведений Леонида Попова и их переводов на русский язык на основе исследований И. А. Лекомцевой, Т. В. Куралевой, А. А. Скрибиной и др. В результате исследования автор статьи приходит к выводу, что необходим учет асимметричности в художественном переводе для достижения адекватности передачи авторской мысли, его художественного мира. В русском переводе есть несовпадения, наблюдается асимметрия в реализации концепта «счастье», что приводит к некоторому диссонансу. Однако художественный перевод всегда есть импровизация, творческий процесс, в нем есть место асимметрии, качество и адекватность перевода зависят от того, насколько переводчику удалось вникнуть в творческий мир автора, какие задачи преследовал.

Ключевые слова: художественный перевод, концепт, языковая асимметрия, дефиниция, репрезентация, языковая картина.

Y. N. Titov

Asymmetry in the realization of the concept of happiness in literary translation: the case of translating Leonid Popov's novels

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. The relevance of the article's theme lays in the fact that the theory of linguistic concepts is important in modern theories of translation. When translating, it is necessary to take note of transferring

ТИТОВ Яков Нестерович – к. пед. н., магистрант Института языков и культур народов Северо-Востока РФ Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова.

E-mail: yatito@list.ru

TITOV Yakov Nesterovich – Candidate of Pedagogical Sciences, Master's student, Institute of Languages and Culture of the Peoples of the North-East of the Russian Federation, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

the form of the language, meaning of an original text, and also to strive to convey a cultural code where there are public perception, reality awareness, mentality, linguistic worldview. The purpose of the study was to analyze the asymmetry of the realization of the concept of happiness in the novels "Togoy Sele" and "Land of Meyi" by Yakut writer Leonid Popov and these novels' translations into Russian by Albert Gurulev. The article reveals the features of the representation of the concept of happiness in the Russian and Yakut linguistic view of the world and its conceptual asymmetry. The novelty of the research: this is the first attempt of analyzing the asymmetry of the realization of the concepts in Popov's works and the translations of his works into Russian based on the research of I. Lekomtseva, T. Kuraleva, A. Skryabina, and others. As a result of the research, the author of the article comes to the conclusion that it is necessary to take into account the asymmetry in literary translation in order to achieve the adequacy of the transmission of the author's thoughts and his artistic world. In the Russian translation, there are mismatches of the meaning communication, there is an asymmetry in the implementation of the concept of happiness, which leads to some dissonance. Literary translation is always an improvisation, a creative process, there is always a place for asymmetry, the quality and adequacy of the translation depend on how much the translator managed to penetrate into the author's creative world, what tasks he pursued.

Keywords: literary translation, concept, linguistic asymmetry, definition, representation, linguistic worldview.

Введение

В межкультурной коммуникации, при взаимодействии двух языков часто наблюдается отсутствие точного, однозначного соответствия между элементами языка, причем асимметрия характерна всем уровням сопоставляемых языков [3].

Актуальность исследования языковой асимметрии в художественном переводе заключается в том, что несоответствие, несовпадение взаимодействующих языковых систем, языковых знаков ведет к переводческим ошибкам. Во избежание переводческих ошибок и достижения адекватности перевода необходим учет асимметричности языковых систем, языковых картин. В этом может помочь теория языковых концептов.

В современных концепциях перевода важное место занимает теория языковых концептов, в которой утверждается мысль, что при переводе необходимо не только обращать внимание на передачу формы, смысла исходного текста, но и стремиться передать некий культурный код, в котором заложено отношение народа, его видение окружающей действительности, его менталитет, мировоззрение.

Отражением этого культурного кода, по мнению исследователей, является система концептов, одним из базовых которой является концепт «счастье». Этот концепт отражает важные установки и категории жизненной философии любого народа, в нем заложены мифологические, религиозные, этнические представления народа, его этические, моральные, ценностные воззрения.

В последнее время появилось много исследований по изучению реализации концепта «счастье». Концептуализацию счастья изучали Г. А. Багаутдинова, Л. К. Байрамова, С. Г. Воркачев, Н. Б. Русакова, А. А. Скрябина, Е. А. Черкашина, А. Д. Шмелев и др. В данной статье мы опираемся на лингвокультурологическое исследование концепта «счастье», проведенное С. Г. Воркачевым. В своем исследовании он дает полную характеристику концепту «счастье», определяет его понятийные, метафорические, образные компоненты значимостей на материале русской языковой картины мира, описывает его реализацию в религиозном и поэтическом контекстах [1].

Особый интерес вызывает исследование А. А. Скрыбиной, в котором определяется составляющие концепта «счастье». По мнению автора, ядром данного концепта является ключевое слово *дьол* (*счастье*), в качестве окооядерной зоны выступают производные лексемы: *дьоллоох*, *дьоллоо*, *дьоллон*, *дьоллоохтук*, *дьолго*, *дьоллуон иһин*, *дьол быатыгар*; периферийную зону представляют синонимичные, аналогичные по своей семантике лексемы: *соргу*, *туску*, *дьолуо өрөгөй*, *талаан*, *баарт*. Исследователь также выделяет лексемы, ограниченные в употреблении, которые связаны с исследуемым концептом семантически (*айхал*, *кэскил*, *уруй*, *ыра*, *дьаралык*, *сарбаакын*; *үлүгэр*, *быһылаан*, *кыһалба*, *олуу*, *холорук*) [9, с. 12].

Наше исследование является попыткой изучения асимметричности реализации концепта «счастье» на материале произведений народного поэта Якутии Леонида Попова, выявления индивидуального видения, его определения как ключевой составляющей национальной культуры, мировоззрения якутов. Художественный текст репрезентирует концепт, отражая в нем авторское видение, тем самым обогащая образное составляющее концепта.

Основная часть

Асимметрия в реализации концепта «счастье» наблюдается прежде всего в понятийном аспекте. Так, С. В. Филиппова, А. В. Хихлун отмечают, что анализ этимологического словаря тюркских языков показал, что в тюркских языках слово «*јол*» имеет следующие значения: 1) дорога, путь; улица; тропа; 2) направление; 3) поездка; путешествие; нахождение в пути, дорога; рейс; 4) ход, скорость; выход; проход; канал; русло; пути, проток; 5) полоса; линия; черта; строка; пробор; 6) путь; способ существования; верная дорога; жизненный путь; возможность; прием; способ; метод; средство; выход (из положения); обычай (+ «распорядок»), (+ «правило»); порядок, правила, система; образ (действия); манера; 7) убеждение, учение, шариат; право, законность; позволение, разрешение; 8) судьба; счастье; доля; удача; 9) раз; 10) подарок; денежный подарок, даваемый на свадьбе со стороны парня стороне девушки [10].

Проанализировав словари якутского языка, А. А. Скрыбина выделяет следующие семантические составляющие концепта «счастье» в якутском языке: 1) удача, благо; 2) искренняя удовлетворенность от исполнения желания, чувство довольства и радости; 3) благополучие, блаженство, фортуна; 4) доля; 5) светлое будущее; 6) лучшая участь; 7) мечта [9, с. 11].

В. Л. Корякина, П. П. Ярыгина на основе анализа словарей М. Р. Фасмера, В. И. Даля, Д. Н. Ушакова, С. И. Ожегова выделяют 4 основные значения концепта «счастье»: 1) благосклонность судьбы, удача, 2) состояние интенсивной радости; 3) обладание наивысшими благами, положительный баланс жизни; 4) чувство удовлетворения жизнью [3].

Анализ словарных дефиниций показывает, что понятие счастья в русском языке имеет 4 основных значения, тогда как в якутском языке выделено 7 значений, а с учетом его тюркского происхождения – 10, поэтому необходим учет асимметричности значений концепта «счастье» при переводе с одного языка на другой.

Следует отметить, что асимметрия в реализации концепта «счастье» наблюдается также на уровне паремиологического корпуса анализируемых языков. Так, в русских народных пословицах говорится о ценности счастья: *счастье дороже богатства*; *счастье дороже ума*; *счастье дороже богатства*.

Пословицы о счастье формулировались по принципу «от противного»: *счастье отпало, ничего в доме не стало* (другой вариант: *счастье с несчастьем смешалось – ничего не осталось*).

Часто значимость счастья для человека описывалась путем сравнения его обладателя с человеком, которому в этом не повезло: *счастливый на коне, несчастный пеш* (или

под конем); счастливый скачет, несчастный плачет; счастье на крылах, несчастье на костылях.

Поиск счастья также нашел отражение в русских пословицах: *счастья алтыном не купишь; счастье пытаться — деньги терять; счастье не дворянство, не родом ведется; счастья искать — от него бежать*. В то же время в пословицах зафиксировано, что *«счастье придет, и на печи найдет»*; *«счастье — вольная птичка: где захотела, там и села»*.

О непредсказуемости счастья сказано в следующих пословицах: *«счастливым быть — всем досадить»*, *«счастливым быть — никому не досадить»*.

Ненадежность, непостоянство счастья нашли отражение в следующих пословицах: *Счастье — что внешнее ведро (т. е. ненадежно); Счастлив бывал, да несчастье в руки поймал*;

Счастье связано с умом человека: *Счастье без ума — дырявая сума: что найдешь, то и потеряешь; Счастье без ума нипочем*.

Магнетизм счастья заключался в том, что тому, кто ощутил его, благополучие само придет: *Счастливый — что калач в меду (к нему все пристаёт); Счастливому и в зубах вязнет (или промеж пальцев) [5]*.

Что касается анализа паремиологического корпуса якутского языка, то экстралингвистическое составляющее концепта «счастье» можно интерпретировать следующим образом:

1) человек всегда стремится, к светлому, доброму, вечному — *балык уу диригин былдьаһар, киһи күн үтүөтүн (батыһар) көрдөһөр (рыба стремится в глубину воды, человек ищет лучшие дни); күөх от күн уотугар хайыһар, киһи күн үтүөтүн батыһар (зеленая трава тянется к солнцу, человек стремится к лучшим дням)*;

2) счастье как дар, как предназначение: *көтөр кынаттаах көтөргө, киһи дьолго ананан айыллар (крылатые для полета, а человек для счастья созданы); дьол икки хараба суох (счастье слепо на оба глаза)*;

3) счастье непостоянно, переменчиво: *уол оҕо биир күн ат өрөбүтүгэр, биир күн ат уорбатыгар (добрый молодец в один день под лошадьё, в другой день верхом на лошади); дьол сор икки киһини кытта тэҥнэ сылдьаллар (счастье и горе вместе с человеком ходят)*;

4) счастье как добро, доброе слово, добрый поступок: *үтүө тыл дьол буолар (доброе слово приносит счастье); харах көрөн үөрэр, кулгаах истэн сэргиир (глаза, видя, радуются, уши, слыша, одобряют)*;

5) счастье как будущее: *сыгынах анныгар күн тыкпытын курдук (подобно тому, как под бурелом проник луч солнца); биһиги да тиэргэммитигэр күн тахсыа, күөрэгэй ыллыа (и на нашем дворе взойдет солнце, жаворонок запоет)*;

6) счастье как благо, состояние радости: *үөрүүтүттэн эдэригэр түспүт (от радости помолодел); атаба сири билбэт буолла (ноги его не чувствуют земли)*.

Таким образом, интерпретационное поле данного концепта в якутской и русской языковых картинах состоит из сходных ценностных установок о счастье как о даре, об изменчивости, непостоянстве счастья. Расхожестя наблюдается в следующем: в якутской языковой картине счастье понимается как добро, доброе слово, добрый поступок, добро как будущее, благо, состояние радости, а в русской языковой картине счастье трактуется как ценность, оно связано с умом человека, с магнетизмом, часто представляется непостоянным, ненадежным [2].

Каждый писатель, художник слова, по-своему интерпретирует понятие счастья, преломляя его согласно своей творческой задаче, художественному восприятию. Так, Л. А. Попов в романах «Тогой Сэлэ», «Земля Мэيي» интерпретирует понятие счастья как в традиционных, так и в индивидуально-авторских дефинициях.

Романы посвящены теме установления советской власти на западе Якутии, когда меняются многовековые устои жизни, когда брат идет против брата. Воссоздаются события двадцатых годов, когда после разгрома Колчака и интервентов в глухих местах Якутии стали возникать и укрепляться ревкомы молодой советской власти. В центре романа – люди и события улуса Тогой Сэлэ, борьба за становление народной власти.

На русский язык произведения переведены А. Гурулевым. Перевод точен, полно передает авторский замысел, адекватен оригиналу. Например, счастье понимается традиционно как благополучие, блаженство, фортуна: «Дьол хараҕа суох дииллэрэ чахчы эбит» [7, 45]. В русском переводе данная дефиниция передана точно, авторское видение сохранено: «Правду говорят, что счастье слепо» [6, 49].

Одно из значений концепта «счастье» – лучшая участь, но в авторском контексте вносится дополнительный оттенок, понимание счастья как борьбы реализуется в следующем примере: «Икки оҕом дьолун туһугар тииспинэн, туйахпынан түһүөм» [7, 54]. Русский перевод точен, полон, можно даже сказать дословен, содержится отсылка на традиции народа саха: «А за счастье своих сыновей буду драться, как у нас говорится, зубами и копытами» [6, 61].

Перевод А. Гурулева адекватен, полно и точно передает авторский замысел, сюжет сохранен, но вместе с тем в аспекте темы нашего исследования наблюдается некоторая асимметрия, это можно показать в виде таблицы:

Таблица 1

оригинальный текст	русский перевод
- Эн да дьоллоохтук сырыт, доҕоор», - Бииктэр куолаһа наһаа сымнаата [7, с. 25].	- И ты будь счастлив, - голос у парня теплый, ласковый [6, с. 26].
-	Много ли радости от высоких потолков, от широких дворов, от богатства, если нет материнского счастья [6, с. 33].
Кэтириис маннайгы кэргэнэ дьол көрдөһө, көмүстээх тайҕаҕа баран, Барааскап баайга мас кэрдээчинэн сылдьан, маска баттатан өлбүт сураҕа кэлбитэ [7, с. 34].	Муж, уехавший за счастьем в золотую Тайгу-Бодайбо, погиб при валке леса [6, с. 37].
Таптал диэни, доҕор диэни билбэтэх Кэтириис дээ билбит. Дьол диэни дээ көрсүбүт [7, с. 34].	Так и не узнавшая в прежней жизни, что такое любовь и добрый друг, Катерина узнала все это [6, с. 37].
Дьол хараҕа суох дииллэрэ кырдык эбит [7, с. 45].	Правду говорят, что счастье слепо [6, с. 47].
-	Виктор, увидев, как он своим подарком обрадовал этих скромных людей, был счастлив [6, с. 53].
-	Каждый родитель счастья своему ребенку хочет [6, с. 57].
Икки оҕом дьолун туһугар тииспинэн-туйахпынан түһүөм [7, с. 54].	А за счастье своих сыновей буду драться, как у нас говорят, зубами и копытами [6, с. 58].
- Оннук эрэ буоллун, биһиги дьолбутугар, - Маайа бэйэтигэр ботугураата [7, с. 95].	-
Дьон сүрүбэ илгэ-эйэбэ, дьолго уонна уруурҕаһыга эрэ тардыан баҕарабын, - Тороев бэйэтигэр холооно суох намыыннык, һылаарҕайдык санарара [7, с. 115].	Тороев говорил медленно и тяжело, и Глафире на какое-то мгновение он показался усталым и немолодым. – Я хочу, чтобы человеческое сердце тянулось лишь к миру и дружбе, к счастью [6, с. 125].

Дьону үөрдэллэринэн дьоллоно сылдыар дьон- нор орто дойдуга баар буолааччылар [7, с. 126].	Бывают же на свете люди, которые становятся счастливыми от одной мысли, что могут обрадовать других людей [6, с. 136].
Бэйэн олобун, дьолун иһин кытаат, кыргыз [7, с. 127].	Вы боретесь за свою жизнь, за свое счастье и потому будьте решительны и мужественны [6, с. 138].

Как видно из примеров, в русском переводе есть несовпадения, наблюдается асимметрия в реализации концепта «счастье», переводчик что-то опускает или, наоборот, добавляет.

В целом в романе счастье понимается, как и положено произведению соцреализма, как строительство новой жизни, как всеобщее равноправие, благоденствие:

*Кэскил баһын тунпучча –
Кыталыктаах кырдалга
Кылыйбалаан биэриэбин,
Туруйалаах томторго
Туойбахалы туйһуөбүн* [7, с. 137]

В переводе А. Гурулева передан общий смысл:

*Получив счастье жизни –
На журавлиной поляне
Потанцуем на славу* [6, с. 147].

Заключение

Данное исследование показало, что художественный перевод всегда есть импровизация, творческий процесс, в нем всегда есть место асимметрии, качество и адекватность перевода зависят от того, насколько переводчику удалось вникнуть в творческий мир автора, какие задачи он преследовал.

Вместе с тем отметим, что неспроста у Леонида Попова есть стихотворение «Тылбаасчыппар» («Моему переводчику»), в котором лирический герой стихотворения желает вместе с переводчиком растаять подобно льду, сгореть с ним в огне, чтобы переводчик познал во всех красках жизнь поэта, проник в его душу, только в этом случае мысли, все, что волнует поэта, найдут путь к сердцу читателя на другом языке, заставят его переживать подобно раскаленному железу, пульсирующему сердцу. Поэт в постоянных поисках такого поэта-переводчика, но, к сожалению, не находит:

*Итинник
тылбаасчыт-поэппын,
Эйигин,
көрдүүбүн да
була иликпин!* [8, с. 319].

Таким образом, можно заключить, что в художественном переводе необходим учет асимметричности для достижения адекватности передачи авторской мысли, его художественного мира на всех уровнях сопоставляемых языков, начиная с лексического, паремиологического, заканчивая уровнем текста и концепта.

В русском переводе романа «Тогой Сэлэ» Леонида Попова есть несовпадения, наблюдается асимметрия в реализации концепта «счастье», что приводит к некоторому диссонансу, вместе с тем считаем, что русский перевод романа адекватен, полно передает смысл оригинала. В переводе художественного текста допускается асимметрия, если интерпретация переводчика, его прочтение, его видение не противоречат авторскому замыслу, творческому методу, художественной задаче.

Л и т е р а т у р а

1. Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. – М.: Гнозис, 2004. – 192 с.
2. Емельянов Н. В. Сборник якутских пословиц и поговорок (Саха өһүн хоһооннорун хомуура) / Сост. Н. В. Емельянов. – Якутск, 1965. – 248 с.
3. Корякина В. Л., Ярыгина П. П. Концепт «Счастье» в русской языковой картине мира / Материалы X международной научно-практической конференции «Высшее гуманитарное образование XXI века: проблемы и перспективы». Самара, 2015. С.126-129 Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24354302&pf=1&>
4. Лекомцева И. А., Куралева Т. В. Межъязыковая асимметрия в переводе. // Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32821937>
5. Пономарева В. Счастье: что о нем говорится в русских пословицах и поговорках? Режим доступа: <https://www.shkolazhizni.ru/culture/articles/33482/>
6. Попов Л. А. Тогой Сэлэ: Роман / Авториз. пер. с якут. А. Гурулева. – М., 1988. – 387 с.
7. Попов Л. А. Тоҕой Сэлэ: роман. – Якутск, 1976. – 256 с.
8. Попов Л. А. Уот буол, сүрэхим: хоһооннор, поэмалар. – Дьокуускай, 1979. – 704 с.
9. Скрябина А. А. Концепты Дьол 'Счастье' – Сор 'Несчастье' в якутской лингвокультуре: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Якутск, 2020. – 24 с.
10. Филиппова С. В., Хихлун А. В. Концепты «Happiness / Дьол в английском и якутском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2018. – № 10(88). – Ч. 2. – С. 370-374.

References

1. Vorkachev S. G. Schast'e kak lingvokul'turnyj koncept. – M.: Gnozis, 2004. – 192 s.
2. Emel'yanov N. V. Sbornik yakutskih poslovic i pogovorok (Saha өһүн хоһооннорун homuura) / Sost. N. V. Emel'yanov. – Yakutsk, 1965. – 248 s.
3. Koryakina V. L., Yarygina P. P. Koncept «Schast'e» v russkoj yazykovoj kartine mira / Materialy X mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Vyshee gumanitarnoe obrazovanie XXI veka: problemy i perspektivy». Samara, 2015. S.126-129 Rezhim dostupa: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24354302&pf=1&>
4. Lekomceva I. A., Kuraleva T. V. Mezh"yazykovaya asimmetriya v perevode. Rezhim dostupa: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32821937>
5. Ponomareva V. Schast'e: chto o nem govoritsya v russkih poslovicah i pogovorkah? Rezhim dostupa: <https://www.shkolazhizni.ru/culture/articles/33482/>
6. Popov L. A. Togoj Sele: Roman / Avtoriz. per. s yakut. A. Guruleva. – M., 1988. – 387 s.
7. Popov L. A. Toҕoj Sele: roman. – Yakutsk, 1976. – 256 s.
8. Popov L. A. Uot buol, syreҕim: hoһoonnor, poemalar. – D'okuuskaj, 1979. – 704 s.
9. Skryabina A. A. Koncepty D'ol 'Schast'e' – Sor 'Neschast'e' v yakutskoj lingvokul'ture: avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk. – Yakutsk, 2020. – 24 s.
10. Filippova S. V., Hihlun A. V. Koncepty «Happiness / D'ol v anglijskom i yakutskom yazykah // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – Tambov: Gramota, 2018. – № 10(88). – Ch. 2. – С. 370-374.

А. С. Шарипова

Особенности инварианта татарской советской драматургии 1930-1940-х гг.

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан,
г. Казань, Россия

Аннотация. Цель статьи – определить особенности инварианта татарской советской драматургии 1930-1940-х гг. Научная новизна заключается в выявлении закономерностей идейно-эстетического развития национальной сценической литературы исследуемого периода через призму инварианта. Для достижения цели решаются следующие задачи: проведен краткий обзор общих тенденций развития татарской драматургии в 1930-1940-х гг.; определены основная тематика, особенности концепции героя и построения конфликта исследуемых пьес; сформулированы основные идейно-эстетические особенности татарской советской драматургии 1930-1940-х гг. Полученные результаты свидетельствуют о том, что 1930-е гг. характеризуются догматизацией социалистического реализма в качестве единого творческого метода, что определяет тенденции дальнейшего развития татарской советской драматургии. В центре внимания татарской сценической литературы исследуемого периода в основном оказываются темы, связанные с коллективизацией сельского хозяйства и индустриализации страны; главная идея пьес заключается в призыве к преобразованию жизни страны и строительству «светлого будущего». Предпочтение отдается созданию «нового» советского героя – идеализированного образа самоотверженного современника-труженика. Несмотря на полное исключение с поля зрения татарской драматургии этнических (национальных) проблем наблюдаются и весьма удачные попытки жанровых и поэтических экспериментов, которые достигались за счет обращения авторов к историческим, фольклорным и этнографическим мотивам. В качестве основных методов исследования применялись культурно-исторический и герменевтический методы.

Ключевые слова: татарская драматургия, инвариант, социалистический реализм, герой, конфликт, драма, трагедия, либретто.

ШАРИПОВА Алсу Самигулловна – кандидат филологических наук, заместитель директора по инновационной деятельности и внешним связям Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан.

E-mail: alsu-samigullovna@yandex.ru

SHARIPOVA Alsu Samigullovna – Candidate of Philological Sciences, Deputy Director for Innovation and External Relations, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Tatarstan Academy of Sciences.

A. S. Sharipova

Features of the invariant of the Tatar Soviet dramaturgy of the 1930s-1940s

G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Academy of Sciences
of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia

Abstract. The purpose of the article is to determine the features of the invariant of the Tatar Soviet dramaturgy of the 1930s-1940s. The scholarly novelty consists in an attempt to identify the patterns of ideological and aesthetic development of the national stage literature of the studied period through the prism of invariant. To achieve the above goal, the following tasks were solved: a brief overview of the general trends in the development of Tatar drama in the 1930s-1940s was carried out; the main themes, features of the concept of the hero and the construction of the conflict of plays of the period under study were determined; the main ideological and aesthetic features of the Tatar Soviet dramaturgy of the 1930s-1940s are formulated. The results obtained indicate that the 1930s were characterized by the dogmatization of socialist realism as a single creative method, which determines the trends of further development of Tatar Soviet dramaturgy. The Tatar stage literature of the period under study mainly focuses on topics related to the collectivization of agriculture and industrialization of the country, the main idea of the plays is to call for the transformation of the country's life and the construction of a «bright future». Preference is given to the creation of a “new” Soviet hero – an idealized image of a selfless contemporary worker. Despite the complete exclusion of ethnic (national) problems from the field of view of Tatar dramaturgy, there are also very successful attempts of genre and poetic experiments, which were achieved through the authors' appeal to historical, folklore and ethnographic motives. Cultural-historical and hermeneutic methods were used as the main research methods.

Keywords: Tatar drama, invariant, socialist realism, hero, conflict, drama, tragedy, libretto.

Введение. Особенностью литературы 1930-х гг. становится официальное утверждение социалистического реализма в качестве единого творческого метода. Как утверждает Х. Гюнтер, «двадцатые годы можно считать лабораторией выработки тоталитарной культуры, поскольку производился отбор функциональных, с точки зрения формирующегося соцреалистического канона, и отбрасывание нефункциональных, «вредных» художественных элементов» [6, с. 101]. Принятие в 1932 г. Постановления ЦК ВКП (б) «О перестройке литературно-художественных организаций» приводит к переходу от одной литературной эпохи к другой. Как пишет М. М. Голубков, «была ликвидирована формально-организационная основа эстетического плюрализма – из литературной жизни ушли школы, группировки, отстаивающие различные, а часто противоположные эстетические воззрения» [1, с. 198], и это приводит к утверждению монистической концепции в общественно-философской мысли [12, с. 188].

Отличительными свойствами соцреализма становятся «строгая иерархия жанров (ода ценится неизмеримо выше сатиры и уж тем более выше интимной лирики); строгая тематическая иерархия (явное предпочтение отдается изображению событий государственной значимости, производственной тематике, а событийность личной жизни расценивается как «бытовизм» и «мелкотемье»); конфликт между долгом и чувством, где долг неизменно берет верх; одномерность характеров персонажей, которые являются рупорами идей (...), единство действия (например, процесс сплочения коллектива вокруг

нового руководителя); зачастую и единство места (стройка – так стройка, завод – так завод, колхоз – так колхоз, и никаких отлучек)» [10, с. 21].

Унификация советской литературы путем определения единых литературно-эстетических и социокультурных ориентиров устанавливает тенденции дальнейшего развития и татарской драматургии. Как отмечает Ю. Г. Нигматуллина, в конце 1920-х гг. татарские писатели были вынуждены под нажимом официальной идеологии отказаться от «романтизма идей», то есть идеи о развитии национального самосознания и национальной свободы оказались под запретом, взамен была предложена идея построения социализма [9, с. 150]. Это приводит к тому, что присущие татарскому словесному искусству богатство, многообразие тематики и проблематики уходят на второй план, «деятели литературы должны были обращаться только к тем проблемам и темам, которые одобрялись бы официальными идеологическими постулатами. (...) Главным критерием в оценке творчества писателей становится идейная основа произведений» [3, с. 2]. Таким образом, 1930-е гг. становятся периодом «утверждения соцреализма в татарской литературе, «выравнивания» национальных литератур в соответствии с его канонами» [7, с. 183] что находит полное отражение и в татарской драматургии.

Основная идея и особенности конфликта пьес. Ввиду изменений литературно-эстетических ориентиров перед творческой интеллигенцией встал вопрос о новом облике советского героя, и это привело к тому, что в татарскую драматургию приходит новый тип идеализированного героя – это самоотверженный защитник народа, всецело преданный общественному долгу, целеустремленный, оптимистично настроенный труженик, свободный от внутренних переживаний, возникающих в результате противостояния общих интересов и личных устремлений. Как справедливо утверждает Х. Гюнтер, самой динамичной фигурой советского мифа становится герой в его разных проявлениях; он выступает и как строитель новой жизни, и как победитель любых препятствий и врагов [5, с. 744].

Яркими примерами татарских драматических произведений, ставящих на главу угла сюжетобразующих линий процесс формирования характера нового советского человека, являются пьесы «В вороньем гнезде» («Козгыннар оясында», 1929), «Горы» («Таулар» 1931) Ш. Камала, «Славное время» («Данлы чор», 1930) Р. Ишмурата, «Ткачиха Асьма» («Тукучы Әсма», 1932) Ф. Бурнаша, «За туманом» («Томан артында», 1934) Ш. Камала, «Зубаржат» («Зөбәржат», 1936) Ф. Сайфи-Казанлы, «Пламя» («Ялкын», 1940) Т. Гиззата и др. В этих пьесах в центре внимания авторов оказались созидательный труд положительного героя и благотворное влияние коллектива на личность. В связи с тем, что концепция революционного аскетизма приводила к пониманию положительного героя односторонне, обедняя его личностное содержание, как пишет А. Г. Ахмадуллин, «в этот период наблюдается активный переход от внешнего действия во внутреннее, превращение богатства духовных переживаний персонажей в обязательный компонент сюжета» [1, с. 249]. Наряду с яркими самоотверженными образами тружеников-энтузиастов как Акбирдин («На Кандре» К. Тинчурина), Таймасов («Соколы» Ф. Бурнаша), Мустафа («Песня радости»), Габбас («Габбас Галин» Ш. Камала), Давлет («Давлет Бадриев» Г. Иделле) начинают создаваться психологически обогащенные типические персонажи как Ярулла («Единоличник Ярулла» Ф. Бурнаша), Гульзада («Гульзада» Р. Ишмурата) и др., отличающиеся от предшественников тем, что приходят к основной мысли уже через внутренние противоречия и духовные переживания.

Главная идея пьес исследуемого периода, в основном, заключается в восхвалении ударного труда в татарских деревнях и в производстве, призыве к преобразованию жизни страны и строительству «светлого будущего». Эта особенность наиболее ярко проявляется в пьесах, написанных на тему строительства колхоза и индустриализации общества, как «Праздник ударников» («Ударниклар бәйрәме», 1933), «Семья деда Булата» («Булат бабай гаиләсе», в соавторстве с К. Наджми, 1933) К. Тинчурина, «Письмо» («Хат»

1934), «Красный цветок» («Кызыл чэчэк», 1939) Ф. Бурнаша, «Великий поворот» («Бөек борылыш», 1930), «Праздник Победы» («Жиңу бэйрәме», 1933), «Кузнец без фамилии» («Фамилиясез тимерче», 1933), «Славное время» («Мактаулы заман», 1935) Т. Гиззата, а также в пьесах, изображавших трудовые будни рабочего-современника «В вороньем гнезде» («Козгыннар оясында», 1930), «Горы» («Таулар», 1932), «Ткачиха Асма» («Тукучы Әсма», 1932) Ф. Бурнаша, «Давлет Бадриев» («Дәүләт Бәдриев», 1933) Г. Иделле, «Габбас Галин» (1934) Ш. Камала и др. Идея разоблачения сторонников «старой жизни» стала основой пьес «Великий поворот» («Бөек борылыш», 1930), «Борьба» («Көрәш», 1935) Т. Гиззата, «Ленивый Бикмухамет» («Ялкау Бикмөхәммәт», 1932) Г. Насыри, «Старик Андар» («Әндәр карт», 1934) Р. Ильяса, «Единоличник Ярулла» («Ялгыз Ярулла», 1939) Ф. Бурнаша и др.

Конфликт этих драматических произведений, как правило, основывается на социально-классовом противостоянии сторонников и врагов нового строя, а также на противоборстве личного желания и социального долга главных героев. А это, в свою очередь, привело к шаблонно-схематичному характеру пьес и существенному снижению их художественной ценности.

Жанровое своеобразие драматических произведений. Расширение в республике театрального движения, организация передвижных театров, специального филиала Татарского государственного академического театра, позже получившего статус Татарского государственного театра драмы и комедии имени К. Тинчурина, и их достаточно активная деятельность на рубеже 1920-1930-х гг. привели к значительному увеличению в этом периоде количества агитационных пьес в татарской сценической литературе. К таковым относятся пьесы «Славная эпоха» («Данлы чор», 1930) Р. Ишмурат, «Две силы» («Ике көч», 1931) А. Камала, «Пример» («Үрнәк», 1931) А. Тагирова, «Письмо» («Хат», 1934) Ф. Бурнаша, «Мактаулы заман» («Славное время», 1935) Т. Гиззата и др. Несомненно, агитационная драматургия в силу своей специфики имела свои недостатки, такие как отсутствие психологической достоверности, художественной индивидуальности внутренней (иногда внешней) организации сюжета.

Увлечения драматургов однотипными сюжетами нередко приводило не только к искусственным конфликтам, но и к появлению драматических произведений, которых отнести к тому или иному жанру становилось достаточно сложно. Например, таковыми являются пьесы «Ленивый Бикмухамет» («Ялкау Бикмөхәммәт», 1932), «Делегат» (1936), «Путевка» (1938) Г. Насыри, «Касим с орденом» («Орденлы Касыйм», 1936) С. Шакурова, «Соседи» («Күршеләр», 1933) А. Ахмета, «Голубая поляна» («Зәңгәр алан», 1933), «Зубаржат» («Зөбәржәт», 1936) Ф. Сайфи-Казанлы, «Праздник ударников» («Ударниклар бэйрәме», 1933) К. Тинчурина, «Великий поворот» («Бөек борылыш», 1930), «Борьба» («Көрәш», 1931), «Кузнец без фамилии» («Фамилиясез тимерче», 1933) Т. Гиззата. В результате размывания жанра увеличилось число «пьес на тему», выполняющих нормативную функцию: если в начале 1930-х годов это были пьесы о революции (историко-революционные), то на рубеже 1930-1940-х гг. к ним добавились «производственные» пьесы, пьесы на «колхозную» тему.

Как отмечает Н. Ханзафаров, «усиление репрессий, уход от литературной арены многих талантливых писателей, способных смело выступить в сатирических жанрах, необоснованные требования к искусству смеха, чудовищные обвинения сатириков во всех смертных грехах в конце концов привели к существенному ослаблению комедиографии» [11, с. 93]. Ограничение авторов декларативными, агитационными рамками приводит к серьезной деформации жанра комедии, отходу от подлинно комедийных конфликтов уже в начале 1930-х гг. В произведениях Г. Насыри «Делегат» (1936), «Ленивый Бикмухамет» («Ялкау Бикмөхәммәт», 1932), Т. Гиззата «Случай с белоголовой нетелью» (1932), «Славное время» («Мактаулы заман», 1935), Ф. Бурнаша «Единоличник Ярулла» («Ялгыз

Ярулла», 1939) и многих других конфликт сосредотачивался вокруг конъюнктурных политических тем, проблем выполнения планов в промышленном производстве, сплошной коллективизации и устранении частнособственнических явлений в деревне. Получилось сохранить жизнеспособность этого жанра только благодаря комедиям, созданным по фольклорным мотивам. Самым значительным достижением татарской комедиографии исследуемого периода, на наш взгляд, стала комедия Н. Исанбета «Ходжа Насретдин» («Хужа Насретдин», 1939), которая вошла в золотой фонд татарской комедиографии и получила большую сценическую историю.

В этот период создается ряд пьес, в которых авторы, обращаясь к переломным моментам исторических событий, судьбам исторических личностей, пытаются средствами художественного творчества анализировать причины глобальных перемен, вскрывать их влияние на происходившие изменения в мировоззрении людей. К таким произведениям относятся пьесы «Искры» («Чаткылар» 1934), «Потоки» («Ташкыннар», 1937) Т. Гиззата, «Миркай и Айсылу» («Миркэй белән Айсылу», 1935) Н. Исанбета, «Три жизни» («Өч тормыш», 1933) Г. Камала, «В вороньем гнезде» («Козгыннар оясында», 1930) Ш. Камала, «Дедушка Кирилл» («Кирилл бабай», 1931) Ф. Митрофанова, «Камиль» («Камил», 1930) Х. Такташа, «Беглец» («Качкын», 1936), «Тукай» (1938), «Тукай в Уральске» («Тукай Жакта», 1938), «Пугачев в Казани» («Пугачев Казанда», 1940) А. Файзи, «Золотоволосая» («Алтынчәч», 1939) М. Джалиля, «Шамсикамар» («Шәмсекамәр», 1937) М. Абдиева, «Семья деда Булата» («Булат бабай гаиләсе», 1933) К. Тинчурина и К. Наджми и др. Несмотря на то, что в них действия героев построены по канонам соцреализма, благодаря остроте конфликтов, разветвленности сюжетных линий, разработанности характеров, многие из этих произведений получили достойное место в истории национальной сценической литературы.

В то же время многие созданные в этот период историко-революционные драмы, такие как «О-два» (1931) В. Валиева-Сульвы, «Соколы» («Лачыннар», 1932), «Черный занавес» («Кара пәрдә», 1934), «Заря» («Таң» 1936) Ф. Бурнаша, «Запоздалый приказ» («Кичеккән фәрман», 1932) Ш. Усманова, «Бишбуляк» («Бишбүләк», 1932) Т. Гиззата, «Забулачная республика» («Болак арты республикасы», 1939) Н. Исанбета, ввиду излишнего революционного романтизма и прямолинейности конфликта, не смогли иметь долгую творческую жизнь, вызвав бурные обсуждения среди литературных критиков даже своей эпохи.

В качестве одной из особенностей татарской драматургии рубежа 1930-1940-х гг. необходимо отметить появление жанра историко-биографической драмы. Начинают создаваться пьесы, направленные на художественное воссоздание образов выдающихся татарских личностей, как великий татарский поэт Габдулла Тукай («Тукай» (1938) А. Файзи), первая татарская актриса Сахибжамал Волжская («Гульжамал» (1943) Н. Исанбета), просветитель Каюм Насыри («Каюм Насыри» (1945) Х. Уразикова, известный революционер М. Вахитов («Мулланур Вахитов» (1948) Н. Исанбета).

Несмотря на ограниченность различными нормами, жесткими рамками для писателей «культурные процессы в 30-е гг. были не сводимы только к этим превращенным формам «подгонки» под канон» [2, с. 141]. Как справедливо отмечает А. Ахмадуллин, в исследуемый период «татарская литература, в том числе драматургия, достигли немалых успехов. Несомненно, определенную роль в этом сыграли и законы объективного содержания художественного творчества, и сила таланта отдельных художников слова и деятелей искусства» [1, с. 238]. Татарскую драматургию из круга однообразия выводит обращение к фольклорному материалу, так как «фольклоризм в 1930-е гг. становится едва ли не основной формой выражения национального в литературе» [7, с. 183]. На волне повышенного интереса к устному народному творчеству, как уже было отмечено выше, был достигнут значительный успех в фольклорной комедиографии, также был создан ряд трагедий, основанных на фольклорно-историческом материале. Пьесы Н. Исанбета

«Спартак» (1933) и «Идегей» («Идегэй», 1941) стали определенным шагом в сохранении и развитии жанра трагедии в татарской драматургии данного этапа и стали в определенной степени продолжением тех национальных традиций, которые были заложены в татарской драматургии дооктябрьского периода. Несмотря на то, что в исследуемый период «изображение трагедии советского человека воспринималось как нехарактерное явление» [8, с. 228], Н. Исанбет, оставаясь в заданных соцреалистическом каноне идеологических рамках, основываясь на исторический материал, смог передать смысловые ассоциации и параллели с современностью.

Определенным достижением татарской литературы довоенного периода также необходимо указать переход на новый этап развития национальной музыкальной драматургии, особенно нового жанра – либретто. В 1930-е гг. были написаны и поставлены на сцене произведения «Разия» (1936) К. Наджми, «Сафа» (1939), «Шурале» («Шүрәле», 1938), «Зульхабира» («Зөлхәбирә», 1940), «Беглец» («Качкын», 1937) А. Файзи, «Золотоволосая» («Алтынчәч», 1939) М. Джалиля, «Наемщик» (1939), «Башмачки» («Башмагым», 1941) Т. Гиззата, «Галиябану» (1939), «Холодный ключ» («Салкын чишмә», 1939) К. Амири и другие. Это явление было связано, в первую очередь, с созданием Татарского государственного театра оперы и балета и по достоинству может считаться определенным достижением татарской драматургии исследуемого периода.

Заключение. В результате исследования приходим к выводу, что основными особенностями инварианта татарской советской драматургии 1930-1940-х годов можно назвать следующие моменты:

- догматизация социалистического реализма в качестве единого творческого метода, что приводит к официальному закреплению авторитарной монистической концепции инварианта советской литературы;
- унифицированные социокультурные и литературно-эстетические ориентиры определяют тенденции дальнейшего развития и татарской драматургии исследуемого периода;
- многообразие тематики и проблематики, свойственное дооктябрьской татарской драматургии, уходит на второй план, в центре драматических произведений оказываются одобренные официальными идеологическими постулатами темы и проблемы, предпочтение отдается изображению событий государственной значимости (коллективизация сельского хозяйства, индустриализация страны).
- главная идея пьес, как правило, основывается на призыве к преобразованию жизни страны и строительству «светлого будущего», этнические (национальные) проблемы полностью уходят с поля зрения татарской драматургии;
- под влиянием всех этих обстоятельств складывается типичный облик нового советского героя – идеализированный образ самоотверженного современника-труженика, стоящего на активной моральной позиции и выступающего против социального зла;
- конфликт драматических произведений исследуемого периода основывается на классово-социальном противостоянии сторонников и врагов нового строя, а также на противоборстве личного желания и социального долга главных героев.

Вместе с тем, несмотря на узкие идеологические рамки и серьезные риски, связанные с обвинениями в приверженности к буржуазному национализму, приводящими вплоть до репрессий, татарские драматурги старались находить возможности их преодоления и создания высокохудожественных произведений, способных получить достойное место в истории национальной сценической литературы. Это в основном достигалось путем обращения авторов к историческим, фольклорным и этнографическим мотивам. Также определенным достижением татарской литературы исследуемого периода можно назвать переход национальной музыкальной драматургии на новый этап развития, а именно – формирование жанра либретто.

Л и т е р а т у р а

1. Ахмадуллин А. Г. Татарская драматургия: история и проблемы. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2012. – 511 с.
2. Булавка Л. А. Социалистический реализм: превратности метода. Философский дискурс. – М.: Культурная революция, 2007. – 272 с.
3. Галимуллин Ф. Г. Соотношение эстетического и социологического в татарской литературе 1920-30 годов: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. – Казань, 1999. – 77 с.
4. Голубков М. М. Утраченные альтернативы: Формирование монистической концепции советской литературы. 20-30-е годы. – М.: Наследие, 1992. – 202 с.
5. Гюнтер Х. Архетипы советской культуры // Социалистический канон: сб. статей / под общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. – СПб.: Академ. проект, 2000. – С. 743-784.
6. Гюнтер Х. Художественный авангард и социалистический реализм // Социалистический канон: сб. статей / под общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. – СПб.: Академ. проект, 2000. – С. 101-108.
7. Загидуллина Д. Ф. Модернизм в татарской литературе первой трети XX века. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2013. – 207 с.
8. Закирьянов А. М. Жанр трагедии в современной татарской драматургии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2010. – № 1. – С. 226-235.
9. Нигматуллина Ю. Г. Типы культур и цивилизаций в историческом развитии татарской и русской культур. – Казань: «Фэн», 1997. – 190 с.
10. Сергеев В. Несколько застарелых вопросов // Избавление от миражей: Соцреализм сегодня. – М., 1990. – С. 20-26.
11. Ханзафаров Н. Г. Татарская комедия. – Казань: «ФЭН», 1996. – 266 с.
12. Юсупова Н. М. Система образов-символов в татарской поэзии первой половины XX века: монография. – Казань: Ихлас, 2018. – 312 с.

References

1. Ahmadullin A. G. Tatarskaya dramaturgiya: istoriya i problemy. – Kazan': Tatar. kn. izd-vo, 2012. – 511 s.
2. Bulavka L. A. Socialisticheskij realizm: prevratnosti metoda. Filosofskij diskurs. – M.: Kul'turnaya revolyuciya, 2007. – 272 s.
3. Galimullin F. G. Sootnoshenie esteticheskogo i sociologicheskogo v tatarskoj literature 1920-30 godov: Avtoref. diss. ... d-ra filol. nauk. – Kazan', 1999. – 77 s.
4. Golubkov M. M. Utrachennyye al'ternativy: Formirovanie monisticheskoy koncepcii sovetskoy literatury. 20-30-e gody. – M.: Nasledie, 1992. – 202 s.
5. Gyunter H. Arhetipy sovetskoy kul'tury // Socialisticheskij kanon: sb. statej / pod obshch. red. H. Gyuntera i E. Dobrenko. – Spb.: Akadem. proekt, 2000. – S. 743-784.
6. Gyunter H. Hudozhestvennyj avangard i socialisticheskij realizm // Socialisticheskij kanon: sb. statej / pod obshch. red. H. Gyuntera i E. Dobrenko. – Spb.: Akadem. proekt, 2000. – S. 101-108.
7. Zagidullina D. F. Modernizm v tatarskoj literature pervoj treti XX veka. – Kazan': Tatar. kn. izd-vo, 2013. – 207 s.
8. Zakirzyanov A. M. Zhanr tragedii v sovremennoj tatarskoj dramaturgii // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika. – 2010. – № 1. – S. 226-235.
9. Nigmatullina Yu. G. Tipy kul'tur i civilizacij v istoricheskom razvitii tatarskoj i russkoj kul'tur. – Kazan': «Fэн», 1997. – 190 s.
10. Sergeev V. Neskol'ko zastarelyh voprosov // Izbavlenie ot mirazhej: Socrealizm segodnya. – M., 1990. – S. 20-26.
11. Hanzafarov N. G. Tatarskaya komediya. – Kazan': «FЭН», 1996. – 266 s.
12. Yusupova N. M. Sistema obrazov-simvolov v tatarskoj poezii pervoj poloviny XX veka: monografiya. – Kazan': Ihlas, 2018. – 312 s.

– ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ ФОЛЬКЛОРА. ПОЭТИКА –

УДК 398

О. К. Павлова, С. К. Яковлева

Женские образы в якутском эпосе и эвенском нимкане

СВФУ им. М. К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Аннотация. В данной статье исследованы женские образы в текстах олонхо северо-восточной традиции якутов и эвенского нимкан. Авторы рассмотрели историю изучения эвенского нимкан и якутского эпоса. Материалами исследования послужили 14 текстов северо-восточной эпической традиции якутов и тексты эвенского нимкан, собранные в отдельную книгу «Эвенский фольклор (Эвен фольклора)» подготовленный В. Д. Лебедевым и Ж. К. Лебедевой. В результате анализа в северо-восточной традиции якутов выявлены 3 группы женских образов: удаган (шаманки), девушки айыы и старушка Симэхсин. В нимкане эвенов характерны 4 группы женских образов: девушки-удаган, активные героини, девушки-богатырки и зооморфные образы девушек. Девушки в облике лебеди, медведицы и птицы представляют собой интересный образ.

Ключевые слова: эпическая традиция, эпос северо-востока РФ, якутский героический эпос, эвенский эпос, нимкан, основные образы, женские образы, активные и пассивные героини, шаманки, девушки айыы, девушки-богатырки.

О. К. Pavlova, S. K. Yakovleva

Female images in the Yakut epic and the Even Nimkan

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. This article discusses female images in the texts of the olonkho of the northeastern tradition of the Yakuts and the archaic epos of the Evens. The purpose of the study: to make a comparative analysis of the texts of the Yakut and Even epics, in particular, to study female images. To achieve this goal, it is necessary to set the following tasks: consider the history of the study of the

ПАВЛОВА Ольга Ксенофонтовна – кандидат филол. наук, доцент кафедры фольклора и культуры Института языков и культур народов Северо-Востока РФ, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова.

E-mail: olga-ksento@mail.ru

PAVLOVA Olga Ksenofontovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Folklore and culture of the Institute of Languages and Cultures of the Peoples of the North-East of the Russian Federation, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

ЯКОВЛЕВА Светлана Ксенофонтовна – магистрант Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова.

YAKOVLEVA Svetlana Ksenofontovna – Master's student of the Institute of Languages and Culture of the Peoples of the North-East of the Russian Federation, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

Yakut and Even epics, study the research materials, identify female images and systematize them into groups. As a result of the analysis, 3 groups of female images were identified in the northeastern tradition of the Yakuts: *udagan* women (shamans), *aiyy* girls and the old woman *Simehsin*. In the archaic epos of the Evens, 4 groups of female images are characteristic: *udagan* girls, active heroines, heroic girls and zoomorphic images of girls. Girls in the guise of a swan, a bear and a bird are an interesting image.

Keywords: epic tradition, epic of the north-east of the Russian Federation, Yakut heroic epic, Even epic, *nimkan*, main images, female images, active and passive heroines, shamans, *aiyy* girls, heroic girls.

Введение. На современном этапе актуальным исследованием в эпосоведении считается изучение эпической традиции народов Северо-Востока РФ. Для воссоздания целостной картины эпической традиции народов Северо-Востока Российской Федерации необходимо изучить тексты олонхо северо-восточной традиции якутов в сравнительно-сопоставительном анализе с эпосами коренных малочисленных народов Севера. Цель данного исследования: изучить женские образы в текстах якутского эпоса и эвенского *нимкан*. Для достижения цели необходимо поставить следующие задачи: рассмотреть историю изучения якутского и эвенского эпосов, изучить материалы исследования, выявить женские образы, систематизировать женские образы по группам.

Основным материалом для исследования архаического эпоса эвенов стали результаты фольклорных экспедиций В. Д. Лебедева и Ж. К. Лебедевой, опубликованные отдельной книгой на якутском языке «Эвен фольклора» (1981) [23]. В книгу включены характерные образцы фольклорных текстов, записанных от эвенов Северо-Востока Азии в XIX-XX вв. Нами изучены 8 текстов архаического эпоса эвенов: «Чипитор» записан в 1973 г. со слов П. Д. Данилова, 54 года, житель Хабаровского края, Охотского района, п. Арка; тексты «Солуни (хоолуни)» и «Ёёйиндэ – подпорка земли» (Кыччабар Ёёйиндэ – сир тулааһына) записаны в 1969 г. со слов А. М. Громова, 47 лет, житель Хабаровского края, Охотского района, п. Арка. Тексты «Нёлтэк» (Ньёолтэк) и «Мэнун» (Мэнун) записаны в 1955 г. со слов П. С. Атласова, 89 лет, житель Момского района, Догдо-Чыбагалахского наслега; «Иркэнмэл» записан в 1963 г. со слов М. Х. Неустроева, 59 лет, житель Момского района, Орто-Дойдунского наслега; тексты «Илкун» и «Нёёнэтикэн» (Ньёёнэтикэн) записаны в 1896 г. со слов Гижига ламут (эвен), река Коркодон, записал: В. И. Иохельсон. Текст с английского на русский перевела Ж. К. Лебедева.

Материалом для исследования северо-восточной эпической традиции якутов послужили 14 текстов и сюжетов олонхо 4 локальных традиций: верхоянской [20, 21], момской [11], среднеколымской [14] и абыйской [1] северо-восточной эпической традиции якутов.

Из истории изучения эпической традиции эвенов. В дореволюционный период сбором и публикацией эвенского эпоса занимались участники экспедиций и исследователи: Я. И. Линденау «Описание тунгусов или так называемых пеших ламутов»; А. Ф. Кибер, участник северной экспедиции в Среднеколымске; Г. Л. Майдель и др. Первый образец эпического текста был зафиксирован Я. И. Линденау [10] в 1740-е гг. «материалы Я. И. Линденау не были опубликованы и, как мы теперь знаем, не привлекали внимания исследователей до 1930-х гг. Позже на собранные фольклорные материалы Я. И. Линденау обратила внимание Ж. К. Лебедева. Несколько позднее материалы были опубликованы» [22, с. 11]. Материалы Я. И. Линденау были опубликованы в сборнике «Эвен фольклора» [23], подготовленный В. Д. Лебедевым и Ж. К. Лебедевой.

Перевод текстов с английского был сделан Ж. К. Лебедевой. В XIX в. Г. Майдель, автор труда «Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868-1870 гг.», записал несколько фольклорных текстов, в том числе образцы сказок, преданий и рассказов. «Во время своего пребывания в Якутске Г. Майдель получил от Ю. Штубендорфа несколько образцов записей разных жанров эвенского фольклора, среди которых был один текст, представляющий собой эпическое сказание» [22, с. 11].

В конце XIX в. В. Г. Тан-Богораз записал несколько текстов эвенского фольклора. Собранные материалы были опубликованы в труде «Тунгусский сборник» (1931) [3].

В советский период идет планомерная работа по изучению эвенского фольклора: В. И. Левин «Самоучитель эвенского языка» (1935); К. А. Новикова «Эвенский фольклор» (1958); П. Я. Скорик «Устное творчество народов Северо-Востока» (1957); А. К. Дьячков; В. А. Роббек; А. А. Данилова и др. Отдельное внимание нужно уделить текстам эпического сказания, которые были записаны Н. П. Ткачиком [19] в Охотском районе Хабаровского края. «После смерти Н. П. Ткачика (он скончался в Николаевске летом 1944 г. по пути в Арку) его вдова Э. В. Булатова передала фольклорные записи мужа Г. М. Василевич. Машинописная копия трех эвенских эпических текстов с рукописным предисловием Г. М. Василевич была передана в архив Якутского научного центра Академии наук СССР. Судя по характеру подготовки текста (машинопись с предисловием), эти тексты предназначались Г. М. Василевич для издания, которое по каким-то причинам не было осуществлено» [22, с. 11].

Для изучения эвенского эпоса большое значение имели тексты, собранные В. Д. Лебедевым, кандидатом филологических наук, первым эвенским ученым, поэтом, собирателем и исследователем эвенского фольклора. «Одно из главных событий в собирании образцов эвенского фольклора приходится на 1955 г. Именно в этом году В. Д. Лебедев записал в Момском районе Якутии со слов сказителя П. С. Атласова несколько эпических текстов, три из которых были позднее опубликованы в его монографии «Язык эвенов Якутии». Проблеме генезиса архаической формы эвенского эпоса посвящены труды Ж. К. Лебедевой «Архаический эпос эвенов» [8], «Эпические памятники народов Крайнего Севера» [9] и др. Ж. К. Лебедева является одним из первых исследователей, которая подробно изучила эвенский эпос.

В середине XX в. плодотворным собиранием эвенского фольклора занималась К. А. Новикова. В общей сложности К. А. Новиковой написано более 60 трудов, исследований, статей и т.д. В сборнике «Эвенский фольклор» вошли эвенские сказки, легенды, предания, песни и загадки.

В 1975 г. В. А. Роббек записал текст «Нёлтэк» [18] от Е. И. Тайшиной, жительницы Среднеколымского района. В конце XX в. эпические тексты были записаны А. Л. Мальчуковым, В. А. Петровой (еще не введены в научный оборот) и известным собирателем эвенского фольклора, писательницей Е. Н. Боковой. В 1991 г. опубликован эвенский эпический текст «Иркэнмэл, Ойинде, Мэтэлэ», записанный от уроженца Оймяконского района Е. А. Данилова исследователем эвенского языка А. А. Даниловой.

В современное время многие исследователи начали обсуждать проблему взаимосвязи традиций якутов и тунгусов (эвенов и эвенков). А. А. Буркин исследовал «факты и формы взаимосвязи якутского эпоса и шире – якутского повествовательного фольклора с фольклором эвенков и эвенов в образцах, зафиксированных в последние 50-60 лет» [4, с. 22]. В статье «Взаимодействия олонхо северных якутов и фольклора эвенков и эвенов» авторы Р. Н. Анисимов и Р. В. Корякина «проанализировали историю изучения героического эпоса олонхо северных якутов и эпических традиций долган, эвенов и эвенков за период с XIX в. по начало XXI в. и систематизировали достижения нескольких поколений эпосоведов, принявших участие в осмыслении взаимовлияния якутского олонхо с эпической традицией вышеназванных сибирских народов России с точки зрения современной науки» [2, с. 111].

Женские образы в олонхо северо-восточной традиции якутов. В якутском эпосе женские образы были исследованы в трудах П. А. Ойунского [12], Г. У. Эргиса [24], И. В. Пухова [17], Н. В. Емельянова [6], А. А. Кузьминой [7], А. Н. Даниловой [5], Н. А. Оросиной [13], О. К. Павловой [15, 16] и др.

В исследуемой традиции характерны три группы женских образов: удаган (шаманки), девушки айыы и образ старушек Симэхсин. Образ девушек-удаганок является наиболее распространенным в данной традиции. Удаганы – целительницы, жительницы Верхнего мира. Они являются помощницами богатырей айыы, в тяжелую минуту главные герои обращаются к девушкам-удаганам. С помощью своего ума и волшебства удаганы возвращают утраченную силу богатыря, находят утерянные орудия сражения и дают важные советы в трудную минуту.

И. В. Пухов [17] в якутском эпосе классифицировал два типа женских образов и дифференцировал их по принципу социальной активности: на пассивную и активную группы. К пассивным героиням он причислил «лучших красавиц», которые практически не участвовали в развитии сюжета олонхо. В число активных героинь вошли девушки, которые частично или полностью были задействованы в событиях, описываемых в конкретном олонхо, даже были способны ими управлять. Образы девушек Срединного мира, по теории И. В. Пухова, мы разделили на пассивные и активные героини. К пассивным героям можно отнести жен, невест, сестер главных героев. Они имеют неопишемую красоту, необыкновенный внешний вид, который завораживает богатырей айыы. Ради них совершаются подвиги, богатыри сражаются с чудовищами абаасы. Активные героини отличаются своим умом и сообразительностью. Они принимают участие в действии сюжета, помогают главным героям, давая советы и выручая в трудную минуту.

Образы старушек Симэхсин мы отнесли в отдельную группу. В исследуемой традиции старушки Симэхсин имеют дар перевоплощения и предсказания. Они являются помощницами и советницами членов семьи и главных героев. В олонхо верхоянской локальной традиции старуха Симэхсин помогает главному герою спасти невесту от похитителя, дает ценные советы и указывает путь.

Женские образы в эвенском эпосе можно разделить на четыре группы. Первую группу представляют активные и пассивные героини. В тексте эвенского эпоса «Нёёнэтикэн (Ньөөнэтикэн)» присутствует образ красавицы Дарпин. Она самая красивая девушка в округе, которую прячут от людских глаз далеко в лесу. В тексте нимкан «Мэнун» описывается девушка Сиатан (Һиатан), младшая сестра главного героя Мэнун (Мэнун). Пассивные героини являются красавицами, которые не принимают активное участие в сюжете эпоса. Активными героинями являются жены и сестры главных героев, которые помогают богатырям айыы. Девушки дают советы, приходят на помощь в трудную минуту и помогают преодолевать разные преграды. Благодаря им главные герои побеждают своих противников и одерживают победу. В тексте нимкан «Һоолуни» жена богатыря Нёлбуни (Ньёлбуни) описывается как очень умная, мудрая, женщина, обладающая даром предвидения. Она видит вещие сны и предсказывает будущее. Благодаря своей жене Ньөөлбуни преодолевает разные беды и трудности. В тексте «Кыччаҕар Өөйиндэ – сир тулаһына» девушка Гиавак помогает и выхаживает богатыря Чибдэвэл.

Во вторую группу собраны образы девушек-воительниц. В эвенском эпосе «Илкун» показан образ девушки-воина, которая храбро сражается с богатырем из Нижнего мира Иркэнмэли. Она спасает и оживляет своего брата Тилкани. Интересно то, что в этом архаическом эпосе описывается как происходит оживление девушки-воина Илкуна. Сначала убивают белого оленя-уучах Илкуна, затем накрывают девушку шкурой оленя, подвязывают над костром в течение трех дней и Илкун оживает. В эпосе раскрывается храбрость, смелость девушки-воина. В нимкане «Нёлтэк» (Ньөөлтэк) имя главной героини переводится как «солнечная», что показывает связь героини с Верхним

миром. Девушка-воин Нёлтэк устраивает состязания для богатырей, чтобы найти себе достойного мужа. Как отмечает исследователь Ж. К. Лебедева, сюжетная тема поиска суженого наиболее полно отражена в эпике индигирских эвенов. Схожую сюжетную тему можно найти в эвенкийском эпосе «в отличии от эвенской Нёлтэк эвенкийская героиня отказывается от игр-состязаний» [9, с. 26]. Необходимо подчеркнуть, что эвенские эпосы «Илкун» и «Нёлтэк» названы именами главных героинь. В этих текстах основную роль играют девушки-воительницы. Они сами ищут себе суженого, сражаются с противниками и защищают свой род от бед и зла.

Образы удаганок характерны в текстах эвенского эпоса, данный образ формирует отдельную третью группу женских образов. «Интересная деталь в индигирском тексте «Нёлтэк», где четко выступает зооморфизм эпической шаманки: во время камлания она принимает облик налива и в конце камлания «проглатывает» своего соперника – налива-шамана. Отразившиеся в этом тексте древние тотемистические представления эвенов характерны не только для сюжетов о шаманах. Эпизоды с борьбой шаманов в образе самцов-олений встречаем в фольклоре самоедских народов – нганасан и энцев» [9, с. 20]. Как подчеркивает Ж. К. Лебедева, некоторые элементы шаманства можно отметить в эпических текстах эвенков, наиболее архаичные его формы – у эвенов Охотского побережья.

Четвертую группу составили зооморфные образы женщин. В архаическом эпосе «Чипитор» описывается как девушка-птичка по имени Нёлтэк сопровождает богатыря Ачурмилана и помогает ему. Когда Ачурмилан, сражаясь с богатырем Наадини, выбился из сил к нему прилетает птичка Нёлтэк и дает ему живительную пищу. В этом нимкане птичка-девушка Нёлтэк олицетворяет образ любви и преданности. В эпосе «Соолуни» мы видим образ хозяйки-медведицы, где она показывает гостеприимность, доброжелательность северных народов. Хозяйка-медведица говорит своему врагу, чтобы он начал борьбу первым по своим правилам, но богатырь Нёлбуни отказывается и дает право начинать хозяйке. В эвенских эпосах мы находим образ девушки-лебедя Куба кыыс. В нимкане «Иркэнмэл» повествуется о том, как богатырь Иркэнмэл выбрал себе в жены одну из трех лебедей и спрятал ее крылья. Его брат Нулыркэн помогает невестке найти крылья и улететь в Верхний мир, но через 3 года Иркэнмэл находит свою жену и ребенка. Похожий сюжет можно найти в олонхо северо-восточной традиции якутов «Ючюгэй Юёдьюгюэн, Кусаган Ходжугур» (Үчүгэй Үөдүгүйээн, Куһаҕан Хоолдугур – Лучший Юёджюгюэн, Худший Холджугур) [20]. В этом тексте главный герой похищает девушку-стерха и прячет ее крылья. Девушка убегает с помощью брата главного героя. Он отправляется в ее поиски и находит девушку и своего ребенка. В перспективе исследования мы планируем сравнить сюжетно-композиционную структуру текстов эпической традиции народов Северо-Востока РФ.

Таблица 1

Сравнительная таблица женских образов

№	Олонхо северо-восточной традиции	Эвенский эпос
1	Девушки айыы: пассивные и активные героини	Пассивные и активные героини
2	Удаган (шаманка),	Девушка-удаган
3	+	Зооморфные образы женщин
4	-	Девушки-воительницы
5	Образы старушек Симэхсин	-

Таким образом, в результате анализа в северо-восточной традиции якутов выявлены 3 группы женских образов: удаганы (шаманки), девушки айы и старушка Симэхсин. В архаическом эпосе эвенов характерны 4 группы женских образов: девушки-удаганы, активные и пассивные героини, девушки-богатырки и зооморфные образы девушек. В анализируемых эпосах якутов и эвенов схожими образами предстали образы активных и пассивных героинь. Они имеют одинаковые функции и поступки, являются женами и сестрами главных героев, которые им помогают. Девушки дают советы, приходят на помощь в трудную минуту. Благодаря им главные герои преодолевают трудности и побеждают своих противников.

Особую схожесть имеет группа зооморфных образов женщин. В эвенских эпосах описаны девушки в облике лебедя, медведицы и птицы. Также, зооморфные образы присутствуют в текстах олонхо северо-восточной традиции, но мы их не разделили в отдельную. Данные образы лишь принимали облик животных и птиц. Например, в исследуемой традиции можно найти образы девушек-стерхов. В тексте олонхо среднеколымской и абыйской локальных традиций девушка айы принимают облик щенка.

В эвенском эпосе девушки-воительницы отнесены в отдельную группу женских образов. Они сами ищут себе суженого, сражаются с противниками и защищают свой род от бед и зла. В олонхо северо-восточной традиции не характерны образы девушек-воинов. В данной традиции главными героями и защитниками племени айы выступают богатыри. В олонхо северо-восточной традиции представлен образ старушки Симэхсин. В архаическом эпосе эвенов мы не находим схожий образ. Возможно, образ старушки-коровницы был перенят из тюрко-монгольских эпосов. Например, в хакасском эпосе описывается старушка Шимэхсин, что фонетически схоже с якутской старушкой Симэхсин.

Заключение. Исходя из этого можно сделать вывод о том, что женские образы в обоих эпосах разнообразны и специфичны. В архаическом эпосе эвенов наиболее развиты образы девушек-богатырок и активных героинь. Также можно найти несколько зооморфных образов, девушек в облике птиц и зверей. В отличие от эвенского эпоса в якутском эпосе многочисленны образы девушек-удаганок. Отдельный интерес представляет образ старушки-коровницы Симэхсин. В перспективе исследования планируется провести анализ главных героев архаического эпоса эвенов.

Л и т е р а т у р а

1. Абый олонхолоро = Абыйские олонхо (на якут. яз.) / [редкол.: А. Н. Жирков, В. В. Илларионов, В. Н. Иванов уо.д.а.; эпипэтиир ред. Л. С. Ефимова; бэчээккэ бэлэмнээтилэр: В. В. Илларионов, Т. В. Илларионова]. – Дьокуускай: Бичик, 2019. – 296 с. – (Саха боотурдара: 21 т.; Т.20).
2. Анисимов, Р. Н. Взаимодействия олонхо северных якутов и фольклора эвенков и эвенов / Р. Н. Анисимов, Р. В. Корякина // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия: Эпосоведение. – 2019. – № 1(13). – С. 111-123.
3. Богораз, В. Г. Материалы по ламутскому языку // Тунгусский сборник. Л., 1931. Вып. 1. С. 1–108.
4. Бурыкин, А. А. К проблематике исследования якутско-тунгусских взаимосвязей в эпосе // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия: Эпосоведение. – 2018. – № 2 (10). – С. 22-30.
5. Данилова, А. Н. Образ женщины-богатырки в якутском олонхо / А. Н. Данилова. – Новосибирск: Наука, 2014. – 166 с.
6. Емельянов, Н. В. Сюжеты якутских олонхо / Н. В. Емельянов; отв.ред. Б. Н. Путилов. – Москва: Наука, 1980. – 375 с.
7. Кузьмина, А. А. Олонхо Вилуйского региона: бытование, сюжетно-композиционная структура, образы / А. А. Кузьмина. – Новосибирск: Наука, 2014. – 160 с.
8. Лебедева, Ж. К. Архаический эпос эвенов. – Новосибирск: Наука, 1981 – 160 с.
9. Лебедева, Ж. К. Эпические памятники народов Крайнего Севера. – Новосибирск: Наука, 1982 – 112 с.

10. Линденау, Я. И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века). – Магадан: Магадан. кн. изд-во, 1983. – 176 с.
11. Муома олонхолоро = Момские олонхо (на якут. яз.) / отв. ред. В. В. Илларионов. – Дьокуускай: Бичик, 2004. – 240 с. (Саха боотурдара: 21 томнаах; 4-с том.)
12. Ойуунускай, П. А. Якутская сказка (олонхо), ее сюжет и содержание / П. А. Ойуунускай // Талыллыбыт айымньылар = Избранные произведения: в 2 т. (на якут. яз.). – Якутск: Якутское кн. изд-во, 1975. – С. 292-357.
13. Оросина, Н. А. Таттинская локальная традиция якутского эпоса олонхо: формы бытования, основные образы и мотивы: автореф. дисс. к.филол.н. / Н. А. Оросина – Якутск, 2015. – 25 с.
14. Орто Халыма олонхолоро = Среднеколымские олонхо (на якут. яз.) / [бэчээккэ бэлэмнээтилэр: В. В. Илларионов, Т. В. Илларионова; редкол.: А. Н. Жирков (бас ред.) уо.д.а.]. – Дьокуускай: Бичик, 2016. – 280 с. – (Саха боотурдара: 21 т.; Т. 18).
15. Павлова О. К. Северо-восточная традиция в олонхо якутов: образы, сюжеты, поэтика: автореф. дисс. к.филол.н. – Майкоп, 2018. – 20 с.
16. Павлова О. К. Якутский эпос олонхо в контексте сказительской традиции тюрко-монгольских народов Сибири: учебное пособие. – Якутск: Издательский дом СВФУ, 2021. – 90 с.
17. Пухов, И. В. Якутский героический эпос олонхо. Основные образы / И.В. Пухов. – Москва: Изд-во АН СССР, 1962. – 256 с.
18. Роббек, В. А., Тайшина, Е. И. Нёлтэк: сказание. – Якутск: Розовая чайка, 1992 – 64 с.
19. Ткачик, Н. П. Эпос охотских эвенков: в записях Н. П. Ткачика. – Якутск: Якутское книжное издательство, 1986. – 312 с.
20. Томская, Д. А. Ючюгэй Юдьюгюэн, Кусаган Ходжугур = Лучший Юдьюгюэн, Худший Ходжугур (на якут. яз.) / сост.: В. В. Илларионов, В. С. Никифорова. – Якутск: ИГИ и ПМНС СО РАН, 2011. – 376 с.
21. Хаан Дьаргыстай: олонхо = Хаан Джаргыстай (на якут. яз.) / [хомууйан онордо В. В. Илларионов; науч. ред. филол.н.к., доц. Т. В. Илларионова] – Дьокуускай: Алаас, 2016. – 232 с.
22. Шарина, С. И. Эпическая традиция эвенков: сбор, локальная специфика, характерные черты // Сибирский филологический журнал. – 2021. – № 4. – С. 9-23.
23. Эвен фольклора / сост. В. Д. Лебедев, Ж. К. Лебедева, перевод. И. Е. Федосеев – Якутск: Якутское книжное издательство, 1981 г. – 224 с.
24. Эргис, Г. У. Очерки по якутскому фольклору / Г. У. Эргис. – Якутск: Бичик, 2008. – 400 с.

References

1. Abyj olonholoro = Abyjskie olonho (na yakut. yaz.) / [redkol.: A. N. Zhirkov, V. V. Illarionov, V. N. Ivanov uo.d.a.; eppiettiir red. L. S. Efimova; becheekke belemneetiler: V. V. Illarionov, T. V. Illarionova]. – D'okuuskaj: Bichik, 2019. – 296 s. – (Saha booturdara: 21 t.; T.20).
2. Anisimov, R. N. Vzaimodejstviya olonho severnyh yakutov i fol'klora evenkov i evenov / R. N. Anisimov, R. V. Koryakina // Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M. K. Ammosova. Seriya: Eposovedenie. – 2019. – № 1(13). – S. 111-123.
3. Bogoraz, V. G. Materialy po lamutskomu yazyku // Tungusskii sbornik. L., 1931. Vyp. 1. S. 1–108.
4. Burykin, A. A. K problematike issledovaniya yakutsko-tungusskikh vzaimosvyazej v epose // Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M.K. Ammosova. Seriya: Eposovedenie. – 2018. – № 2(10). – S. 22-30.
5. Danilova, A. N. Obraz zhenshchiny-bogatyрки v yakutskom olonho / A. N. Danilova. – Novosibirsk: Nauka, 2014. – 166 s.
6. Emel'yanov, N. V. Syuzhety yakutskih olonho / N. V. Emel'yanov; otv. red. B. N. Putilov. – Moskva: Nauka, 1980. – 375 s.
7. Kuz'mina, A. A. Olonho Vilyujskogo regiona: bytovanie, syuzhetno-kompozicionnaya struktura, obrazy / A. A. Kuz'mina. - Novosibirsk: Nauka, 2014. – 160 s.
8. Lebedeva, Zh. K. Arhaicheskij epos evenov. – Novosibirsk: Nauka, 1981. – 160 s.
9. Lebedeva, Zh. K. Epicheskie pamyatniki narodov Krajnego Severa. – Novosibirsk: Nauka, 1982 – 112 s.

10. Lindenau, Ya. I. *Opisanie narodov Sibiri (pervaya polovina XVIII veka)*. Magadan: Magadan. kn. izd-vo, 1983. – 176 s.
11. Muoma olonholoro = Momskie olonho (na yakut. yaz.) / otv. red. V. V. Illarionov. – D'okuuskaj: Bichik, 2004. – 240 s. (Saha booturdara: 21 tomnaah; 4-s tom.)
12. Ojuunuskaj, P. A. *Yakutskaya skazka (olonho), ee syuzhet i sodержanie* / P. A. Ojuunuskaj // *Talyllybyt ajymn'ylar = Izbrannye proizvedeniya: v 2 t. (na yakut. yaz.)*. – Yakutsk: Yakutskoe kn. izd-vo, 1975. – S. 292-357.
13. Orosina, N. A. *Tattinskaya lokal'naya tradiciya yakutskogo eposa olonho: formy bytovaniya, osnovnye obrazy i motivy: avtoref. diss. k. filol. n.* / N. A. Orosina – Yakutsk, 2015. – 25 s.
14. Orto Halyma olonholoro = Srednekolymskie olonho (na yakut. yaz.) / [becheekke belemneetiler: V. V. Illarionov, T. V. Illarionova; redkol.: A. N. Zhirkov (bas red.) uo.d.a.]. – D'okuuskaj: Bichik, 2016. – 280 s. – (Saha booturdara: 21 t.; T. 18).
15. Pavlova O. K. *Severo-vostochnaya tradiciya v olonho yakutov: obrazy, syuzhety, poetika: avtoref. diss. k. filol. n.* – Majkop, 2018. – 20 s.
16. Pavlova O. K. *Yakutskij epos olonho v kontekste skazitel'skoj tradicii tyurko-mongol'skih narodov Sibiri: uchebnoe posobie*. – Yakutsk: Izdatel'skij dom SVFU, 2021. – 90 s.
17. Puhov, I. V. *Yakutskij geroicheskiy epos olonho. Osnovnye obrazy* / I. V. Puhov. – Moskva: Izd-vo AN SSSR, 1962. – 256 s.
18. Robbek, V.A., Tajshina, E. I. *Neltek: skazanie* – Yakutsk: Rozovaya chajka, 1992 – 64 s.
19. Tkachik, N. P. *Epos ohotskih evenov: v zapisyah N. P. Tkachika*. – Yakutsk: Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1986 – 312 s.
20. Tomskaya, D. A. *Yuchyugej Yudyugyujen, Kusagan Hodzhugur = Luchshij Yudyugyujen, Hudshij Hodzhugur (na yakut. yaz.)* / sost.: V. V. Illarionov, V. S. Nikiforova. – Yakutsk: IGI i PMNS SO RAN, 2011. – 376 s.
21. Haan D'argystaj: olonho = Haan Dzhargystaj (na yakut. yaz.) / [homujan onordo V. V. Illarionov; nauch. red. filol. n. k., doc. T. V. Illarionova] – D'okuuskaj: Alaas, 2016. – 232 s.
22. Sharina, S. I. *Epicheskaya tradiciya evenov: sbor, lokal'naya specifika, harakternye cherty* // *Sibirskij filologicheskij zhurnal*. – 2021. – № 4. – S. 9-23.
23. *Even fol'klora* / sost. V. D. Lebedev, Zh. K. Lebedeva, perevod. I. E. Fedoseev – Yakutsk: Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1981 g. – 224 s.
24. Ergis, G. U. *Ocherki po yakutskomu fol'kloru* / G. U. Ergis. – Yakutsk: Bichik, 2008. – 400 s.

– ТЕКСТОЛОГИЯ. СТИХОВЕДЕНИЕ –

УДК 821.512.157 Кулаковский.09

П. В. Сивцева-Максимова

**Автографы А. Е. Кулаковского: анализ рукописей
работы «Якутской интеллигенции»**

СВФУ им. М.К. Аммосова, Якутск, Россия

Аннотация. В статье рассматривается творческая история работы А. Е. Кулаковского «Якутской интеллигенции» (1912) на основе исследования вариантов авторских рукописей. Освещается история обнаружения, изучения и публикации рукописей классика. Проблематика работы анализируется в сопоставлении с поэмой автора «Сон шамана» (1910) и работой В. Ф. Трощанского «Наброски о якутах Якутского округа» (1911). Значительное внимание уделяется ранее не изученным текстологическим вопросам автографов Кулаковского, выявляются разночтения в текстах, освещаются архивная история его основного текста, итоги графологической экспертизы. Проводится анализ опубликованных за последние десятилетия рукописей: обнаруживаются элементы редакторского вмешательства, факты уточнения отдельных фрагментов текста. Методологической базой исследования являются труды Д. С. Лихачева, А. Л. Гришунина, современные материалы в коллективных изданиях ИМЛИ РАН, монография Л. Р. Кулаковской о научной биографии А. Е. Кулаковского и источниках его художественного и научного наследия. Основные итоги работы заключаются в установлении хронологии автографов, в определении их значения в изучении жизни и творчества якутского поэта-мыслителя. В творческой истории его работы подтверждается значение авторского начала в систематизации аналитических наблюдений и в выборе формы обращения к современникам, соответствующей прагматической направленности содержания. В фрагментах о Правительстве в автографах Кулаковского наблюдается не критика, а стремление предотвратить негативные интерпретации принимаемых им решений в вопросах о переселении на Север. Рукописи классика подтверждают его дружеские отношения с людьми прогрессивных взглядов на общественные проблемы времени.

Ключевые слова: рукописи Кулаковского, «Якутской интеллигенции», «Сон шамана», автографы, творческая история, анализ разночтений, основной текст, Г. П. Башарин, Н. Н. Тобуроков, В. Ф. Трощанский.

Исследование проведено в рамках гранта РФФИ, проект №19-012-00467А «Источниковедческие аспекты изучения роли христианской культуры в становлении якутской письменности и литературы».

СИВЦЕВА-МАКСИМОВА Прасковья Васильевна – д. филол. н., профессор, главный научный сотрудник Института А. Е. Кулаковского СВФУ имени М. К. Аммосова.

E-mail: smpv50@mail.ru

SIVTSEVA-MAKSIMOVA Praskovia Vasilievna – Doctor of Philological Sciences, Professor, Principal Researcher of the A. E. Kulakovsky Institute, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

P. V. Sivtceva-Maksimova

Kulakovsky's autographs: an analysis of the manuscripts of "To the Yakut Intelligentsia"

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. The article describes the creative history of Alexei Kulakovsky's work "To the Yakut Intelligentsia" (1912) basing on the study of the author's manuscripts. It reviews the history of discovering the author's manuscripts, their studying and publishing. The topics raised in the article are analyzed in contrast with the author's poetic piece "The Shaman's Dream" (1910) and the work by Vasily Troshchansky "Sketches on the Yakuts of the Yakutsk District" (1911). Considerable attention was paid to previously unexplored textual aspects of the Kulakovsky's autographs; discrepancies in the variants were identified; the archival history of the main text was reviewed; the results of a handwriting analysis were presented. An analysis of the manuscripts published over the past decades was conducted, revealing elements of editing, cases of specifying certain fragments of the text. Methodologically, the research was based on the works of Dmitry Likhachev; Andrei Grishunin; recent materials in the collective editions of the Institute of World Literature, RAS; a monograph by Lyudmila Kulakovskaya about the Kulakovsky's scholarly biography; and the sources of his artistic and scholarly heritage. The main results of the research were establishing the chronology of the autographs and determining their significance for studying the life and creative activity of the Yakut poet and thinker. The creative history of this work confirms the importance of the author's principle in the systematization of analytical observations and in the choice of the form of address to his contemporaries, corresponding to the pragmatic orientation of the content. Rather than criticism, the fragments on the Government in the Kulakovsky's autographs demonstrate his wish to prevent negative interpretations of his solutions regarding a northbound migration. The writer's manuscripts signal his friendly attitude towards the people with advanced opinions on relevant social issues.

Keywords: Kulakovsky's manuscripts, "To the Yakut Intelligentsia", "The Shaman's Dream", autographs, creative history, analysis of discrepancies, main text, Georgy Basharin, Nikolai Toburokov, Vasily Troshchansky.

The study was carried out within the framework of the RFBR grant, project No. 19-012-00467A "Source study aspects of studying the role of Christian culture in the formation of Sakha (Yakut) writing and literature."

Введение. В художественном и научном наследии А. Е. Кулаковского (1877-1926) особое место принадлежит посланию «Якутской интеллигенции» (далее «ЯИ»). Основной текст этого документа хранится в партийном архиве; два других автографа, обнаруженные в 1991 г., находятся в частном архиве. Но несмотря на длительное внимание исследователей к творчеству поэта-мыслителя, остаются не вполне уточненными вопросы, касающиеся рукописей этой работы, которые как предмет сопоставительного анализа ранее не представлялись. Этим определяется актуальность предпринятого исследования. Цель работы заключается в стремлении уточнить вопросы по отдельным особенностям структуры и проблематике «ЯИ»; внести уточнения в

хронологию создания рукописей на основе сопоставительного анализа автографов; представить фрагменты основных разночтений в рукописных и опубликованных текстах классика. Методологической базой исследования являются труды Д. С. Лихачева, А. Л. Гришунина, современные материалы в коллективных изданиях ИМЛИ РАН, монография Л. Р. Кулаковской о научной биографии А. Е. Кулаковского и источниках его художественного и научного наследия. Основные итоги работы заключаются в определении значения автографов в изучении жизни и творчества якутского классика. В исследовании творческой истории его работы подтверждается значение авторского начала в систематизации аналитических наблюдений и в выборе формы обращения к современникам, соответствующей прагматической направленности содержания.

Из истории изучения автографов А. Е. Кулаковского. Рукопись Кулаковского становится предметом изучения в исследованиях Г. П. Башарина (1912-1992). В мае 1942 г. он выступает на конференции преподавателей Якутского педагогического института с докладом о необходимости восстановления дореволюционной якутской литературы, которая в то время определялась буржуазно-националистической, антинародной. Через два года выходит его книга «Три якутских реалиста-просветителя (Из истории общественной мысли дореволюционной Якутии)», где впервые объективно оценивается в социально-исторических ракурсах творчество А. Е. Кулаковского, А. И. Софронова, Н. Д. Неустроева. В первой главе работы [1, сс. 16-61] со ссылкой на архивный источник Башарин приводит выдержки из семи начальных и тринадцатого листов автографа при анализе поэмы «Сон шамана» и представлении его трудов по якутскому языку. Глубоко продуманные цитирования отдельных фраз или фрагментов из рукописи вводятся автором четырнадцать раз [1, сс. 23-24, 36-42, 51, 57] с учетом их соответствия к выводу, что «Кулаковский со своей поэмой ... и письмом “К якутской интеллигенции”» выступает одним из борцов против реакционной переселенческой политики Столыпина» [1, с. 42]. По главному вопросу обвинения мыслителя ученый заключает, что «национализм Кулаковского в условиях колониальной Якутии был национализмом здоровым прогрессивным, национализмом демократа-просветителя» [1, с. 50].

Впервые информация об автографе Кулаковского была сделана секретарем Областного комитета партии Н. Н. Окоемовым в 1934 г. на конференции якутских писателей. Об этом событии пишет Н. Н. Тобуроков в учебном пособии для студентов, где отмечает оценку докладчика о документе как «исключительно реакционном консервативном» по содержанию [18, с. 83]. Он далее отмечает факт о первой аутентичной журнальной публикации работы Кулаковского в 1990 г. профессором Ф. Г. Сафроновым (1914-1995) [6, с. 89-107] и выражает свое сожаление по поводу озаглавленных разделений текста «ЯИ», повторяющих ошибки издания 1992 г., в публикации вариантов И. Ю. Васильевым и в переводе основного текста на якутский язык Д. В. Кириллиным [18, с. 84].

Л. Р. Кулаковская в своих исследованиях освещает историю создания «ЯИ» (по основному тексту), уточняет имена адресатов (по варианту текста); представляет тезисы как «сопроводительную записку» к проекту Кулаковского об «организации “Общества якутских культуртрегеров”» [4, с. 168-169].

Таким образом, стремление уточнить вопросы по отдельным особенностям структуры и проблематике «ЯИ» на основе сопоставительного анализа автографов, внести уточнения в хронологию и творческую историю рукописей, представить фрагменты основных разночтений в текстах можно отнести к новым ракурсам изучения наследия Кулаковского.

Три варианта автографов изучаются нами в процессе подготовки к печати третьего тома академического издания его полного собрания сочинений. Материалами исследования в статье выступают также первое официальное издание «ЯИ» в 1992 г. [7],

опубликованные в 2000 г. тексты рукописей [8], научное издание работы в 2012 г. [10] и включенные в эти издания статьи, рецензии, примечания от составителей. Текстологическое изучение автографов основывается на методах литературоведческого источниковедения. В сопоставительных анализах вариантов одной работы уточняется история основного текста, «способствуя изучению закономерностей и путей эволюции» в его «движении, развитии и связях» [3, с. 167]. В этих направлениях герменевтический и текстологический методы анализа автографов подтверждают наличие взаимной связи рукописей «ЯИ» с художественным наследием классика.

О проблематике работы «Якутской интеллигенции». В систематизации содержания и раскрытии темы в «письме-обращении» Кулаковский ставит главным вопросом «мысль о возможности и даже неизбежности вымирания якутов» [10, с. 46]. В рассуждениях в данном ракурсе наблюдается его стремление усилить интерес читателя к поставленной проблеме целенаправленным освещением «современной ему политической картины мира, сосредоточив основное внимание на противоречиях крупных стран-государств» [10, с. 37] в контекстах вопросов геополитического характера. В этом плане авторское начало настолько сильно и оригинально, что дает правомерное обоснование определить «личность Кулаковского особенно ценной в рамках становления этнической и духовной культуры якутов» [12, с. 10]. Приводим из статьи Р. Г. Кулиевой одно из дополнений данного тезиса: «В послании он дал анализ ретроспективы и перспективы развития не только якутской, но и мировой цивилизации. Его тревога относительно китайской ассимиляции стала сегодня вполне реальной» [12, с. 11].

Содержание работы, начиная с обращения якутской интеллигенции, систематизируется в форме публицистического сочинения. Кулаковский представляет итоги серьезных наблюдений и доводит до современников свои выводы для воздействия на них. Этому способствует проблема духовной борьбы за существование, которая, как уточняется автором, «едва ли посильна единичным лицам, потому она всецело предоставляется соединенной силе интеллигентов, патриотов и народных масс» [10, с. 66].

В период создания рукописи Алексей Кулаковский был известен как поэт. Кроме публикаций отдельных художественных текстов, свои произведения он читал/исполнял перед слушателями, в том числе поэму «Сон шамана» (1910), идея и тема которой, начиная с 1930-х гг., сопоставлялись исследователями с его работой «ЯИ». Авторский текст поэмы-предсказания восстановлен в первом томе его полного собрания сочинений [9, с. 195-231]. В комментариях выявляются существенные разночтения в текстах последующих изданий XX в. [9, с. 480-486], также приводится постановление протокола Литературно-переводческой комиссии от 25 ноября 1924 г. по данному произведению: «1. Принять без каких-либо изменений, дополнений. 2. Предложить автору подробным примечанием к стихам объяснить мотивы опасений шамана от переселенческого движения» [9, с. 475];

В поэме размышления о судьбе родного народа раскрываются в форме представления девяти периодов шаманского заклинания, отмечающихся в тексте ритуальным припевом «Дом-ини-дом». Первый и второй периоды видения шамана посвящаются описанию социального кризиса и начала глобальной экологической проблемы, связанной с перенаселением:

Чересчур расплодились они,
Что их, ищущих крова, еды,
Ныне мать-планета-Сибирь
Нивою благодатных щедрот
Не насыщает уже никак... (Перевод С. Подделкова) [5, с. 205].

В третьем периоде представляется положение Якутии как части мирового пространства. Поэт в образе шамана-провидца доводит до современников свои мысли о нелегкой судьбе малочисленного народа, занимающего огромную территорию,

описанием интересов к их земле Америки, Японии и Китая [5, с. 209-211]. В четвертом периоде видения раскрывается перед шаманом «блистательная сердцевина Земли», «высокое чело всей планеты» Европа: описывается «империя англичан» и Германия, «на тридцать лет вперед наметивший войну» [5, с. 212-215]. Последующие три периода / раздела текста описывают революцию, гражданскую войну. Шаман вещает о засухе, голоде, кровавом социальном противостоянии. Далее он представляет «новую партию», «партию большевиков», которую призывает «учения своего узко понятые места» исправлять, остерегаясь «пустопорожних слов» и умея «отступать чуток»:

Что ж тогда, через тридцать лет
Чаемая нам улыбнется жизнь,
Спустя еще двадцать лет
Славно поправится наша жизнь.
Позже, через полвека придет
Полная счастья жизнь [5, с. 245-246].

В заключительных периодах эпической поэмы, что составляет в основном тексте 1087-1387 строки произведения [9, сс. 223-231], шаман раскрывает свои думы о судьбе родного племени, перед которым жизнь ставит вопрос выживания в условиях сосуществования с многочисленным народом с высоким уровнем образованности. Поэма завершается благословением, выражающим надежду на благополучие.

В итоге сопоставительного анализа поэмы и работы «ЯИ» А. А. Бурцев приходит к обоснованному выводу, что поэма может восприниматься как «поэтический пролог к посланию» [2, 81]. Более конкретно по отношению к проблематике данной работы можем уточнить, что Кулаковский развивает идеи второго, четвертого, восьмого, девятого разделов текста «Сна шамана». Также в стихотворениях «Благословение среднего поколения» [9, сс. 241-244], «Скороговорка» [9, сс. 245-246], датированных 1912 г., отражается основная мысль его публицистического сочинения. В первом произведении поэт выражает гордость высокими моральными качествами и образованностью молодого поколения [9, с. 449]. Второе стихотворение в завуалированной форме раскрывает думы поэта о печальной судьбе родного народа [9, с. 503].

Идея просветительского сочинения, с другой стороны, может быть сопоставлена с содержанием исследований о якутах, опубликованных до начала XX в. Кулаковский хорошо знал этнографические работы о якутах, где представлялась жизнь и быт бедного или беднейшего слоя общества. В письме Э. К. Пекарскому от 18 ноября 1912 г. он отмечает следующее: «С удовольствием прочитал я русские тексты Худякова, Серошевского, Трошанского. У первых двух большие погрешности наряду с достоинствами. ... Удивляюсь замечательной выдержанности выводов Василия Филипповича...» [11, с. 180].

Здесь он имеет в виду работу «Наброски о якутах Якутского округа» В. Ф. Трошанского [19], политического ссыльного, который прожил в Ботурусском улусе 12 лет, участвовал в исследованиях Якутской (Сибиряковской) экспедиции 1894-1896 гг. Трошанский, описывая крайне трудные условия сельской жизни, удивляется, что якуты «должны бы были вымирать ... однако они не вымирают». Далее пишет: они «судя по данным нашего прихода, во всяком случае не принадлежат к вырождающимся расам» [19, с. 87].

В этом направлении анализ социальных проблем начала XX века в работе Кулаковского существенно отличается от наблюдений Трошанского. Кулаковский связывает социальную проблему о «неизбежности вымирания якутов» с обнищанием населения в отдельных территориях Сибири и Якутской области и правомерно утверждает, что «обнищание есть верный залог вымирания» [10, с. 47]. В работе Трошанского редко упоминаются состоятельные семьи, при этом подчеркивается, что они такие же по образу жизни – крайне темные, не приспособленные к практическому

ведению хозяйства, примитивные отсталые представители «некультурного народа», которым «в самом деле, какая может быть польза от школы?» [19, с. 110].

В «ЯИ» озаглавленными пунктами текста Кулаковский пишет о землепользовании, земледелии и скотоводству (первый, второй и четвертый пункты) [10, сс. 66-85], что соответствует названиям IV, V, VI глав работы Трошанского [19, сс. 45-86], который описывает сезонные работы одной бедной крестьянской семьи. Кулаковский систематизирует в названных разделах текста «ЯИ» специальные советы по организации труда с учетом научно-технических открытий своего времени, представляет инструкции губернатора И. И. Крафта по земельным вопросам, раскрывает проблемы экологии.

Л. Р. Кулаковская в «Научной биографии» с вопросами творческой истории «ЯИ» связывает дружбу классика с С. П. Барашковым (1876-1921), создателем фермерского хозяйства в местности Качикат. Она пишет, что Кулаковский «работал учителем у Барашкова с 10 октября 1911 г. по июль 1912 г.» [4, с. 164]. Далее приводит свои предположения, основанные на документах, что «идея создания современного хозяйства в условиях Якутии ... получение по каталогам инвентаря, семян, живности вполне могли принадлежать ему» [4, с. 166].

К основной мысли «ЯИ» имеет отношение и «Опыт этнографического исследования» В. Л. Серошевского. Во второй главе работы «Расселение» автор приходит к выводу, что численность якутов не сокращается [16, с. 202-227] и подтверждает свои наблюдения итогами переписей в Приложении [16, с. 676]. По этому дискуссионному вопросу Кулаковский отмечает: «Что касается нас, якутов, то хотя численно не убавляемся, но поразительно быстро мельчаем, становимся хилее ..., что также служит верным признаком будущего вымирания» [10, с. 47].

В заключении работы он предупреждает своих современников «не доказывать желанного лучшего», каковы бы ни были их личные мнения ... «относительно переселения, вымирания якутов и “желтой опасности”» [10, с. 113]. В работе «ЯИ» он представляет другое сословие общества, тем самым уточняет веру в будущее родного народа в следующем выражении: «Общее благосостояние перечисленных лиц улучшается – они составляют поэтому будущее здоровое ядро якутской народности» [10, с. 112]. Таким образом, в обращении автора к интеллигенции главной проблемой ставится малочисленность населения и обширная территория его родного края. С данной естественной особенностью Якутии Кулаковский связывает основной вопрос времени – быть как никогда ответственными, прежде всего, перед самим собой.

Автографы А. Е. Кулаковского. Основным текстом считается рукопись, которая хранится в Национальном архиве РС(Я) [14]. Ее архивная история начинается с 1933 г., когда оригинал документа был доставлен в Партийный архив секретарем Сунтарского районного партийного комитета Николаем Максимовым. В 2013 г. рукопись (автограф) объемом в 21 лист формата А3, написанный на двух сторонах листов – внесена в реестр уникальных документов регионального уровня Республики Саха (Якутия).

Основная часть текста написана фиолетовыми чернилами. Знаковые информации от автора: заголовок, дата и место создания работы, подпись – написаны красными чернилами: на левой стороне начальной страницы рукописи первая строка: «1912. Май. Качикат», следующая строка – название работы «Якутской интеллигенции», на последнем листе рукописи справа – имя автора «Өксөкүлээх Өлөксөй» [14, лл. 1, 21об.].

Значительным фактом в архивной истории автографа Кулаковского являются итоги проведенной в 1990 г. графологической экспертизы по рукописи в Якутской научно-исследовательской лаборатории судебной экспертизы Министерства юстиции РСФСР. В Заключении, подписанном начальником лаборатории Н. П. Сунчаковым, указывается, что «сомнений в исполнении основного текста самим Кулаковским не имеется» [15, л. 45].

Далее представляются итоги сравнительного анализа пометок по тексту и отдельных дописок между строками и на полях (их всего 14). По этому вопросу исследование приводит к следующим выводам:

Дописки на 1-й странице рукописи, относящиеся к названию документа «Якутской интеллигенции»; на обороте 2-й страницы ...; на обороте 14-й страницы ...; на 19-й...; на странице 20-й ...; на обороте 21-ой страницы: «Өксөкүлээх Өлөксөй» - «*выполнены самим Кулаковским А. Е.*» [15, л. 47].

Экспертное заключение относительно других дописок и пометок на полях: «*выполнены не самим Кулаковским А. Е., а другими лицами*» [15, л. 48].

Эти вставки, введенные в рукопись на полях и между строк, графически с текстом не сливаются. Они выступают «важными свидетельствами по истории текста» [13, с. 68] классика. Глоссы в автографе «ЯИ» относим к «доархивному» периоду его истории. В целом итоги экспертизы подтверждают подлинность документа и его историко-культурную ценность в истории Якутии. Всеми указанными приметами и особенностями обосновывается то, что по отношению к другим вариантам рукописей данный текст, названный «архивным вариантом» выступает основным текстом работы Кулаковского.

Другие два автографа, предположительно, более ранний текст и тезисы по содержанию обоих текстов, хранящиеся в частном архиве Васильевых [20], определяются «неустроевскими», по фамилии первых архиводержателей. Сведения об их истории раскрываются в статье В. И. Иванова и Л. Р. Кулаковской [10, сс. 43-44].

Сопоставительное изучение автографов вносит одно существенное уточнение в основной текст. Это допущенная в основном тексте опечатка в перечислении «сибирских инородцев». В раннем варианте автографа указывается:

«остяки, зыряне, качинцы, тунгусы, ламуты (5000)» [20, л. 1об.]

В основном тексте отмечается (500) [14, л. 1об.]. Во всех изданиях, в том числе, в научном издании [10, с. 47], данное количество – (500) – идет по основному тексту автографов.

Но в подготовленном Л. Р. Кулаковской в 2014 г. тексте для академического издания третьего тома А. Е. Кулаковского ею дано следующее уточнение в ссылке:

«В рукописи (500). Цифра исправлена как описка на основании рабочих материалов и другого варианта письма “ЯИ” А. Е. Кулаковского» (Материалы III тома, рукопись).

В тексте раннего варианта имеются значительные разночтения по отношению к основному (архивному) тексту. К числу главных из них относим отсутствие заглавия и авторского имени. Далее описание текста «неустроевского» варианта автографа делаем для удобства восприятия читателем по изданию 2000 г. [8], в сопоставлениях с основным текстом работы ссылки указываются по научному изданию «ЯИ» 2012 г. [10].

Л. Р. Кулаковская впервые обоснованно определяет фамилии друзей Кулаковского в его научной биографии: П. Н. Сокольников, В. В. Шестаков, И. Н. Башарин, Г. Г. Турнин, С. С. Собакин [4, с. 170]. До этого неверно указывались фамилии «В. В. Никифоров» и «Г. Г. Андросов» [8, сс. 13-14].

В «неустроевском» варианте «Землепользование, земледелие» идет одним разделом, в «архивном» варианте данная часть текста представлена разделами «Землепользование», «Земледелие». При этом советы по земледелию даются более расширенно. Авторское редактирование в «архивном» варианте наблюдается в разделе «Экономическое положение и предприятия» по пункту «Расходы».

Значительным разночтением «архивного» и «неустроевского» вариантов является отсутствие в основном тексте 80 строк по рукописи, соответствующие 69 строкам опубликованного текста «неустроевского» варианта [8, с. 33-37], что также относим к итогам редактирования.

Представленные эпизоды рукописей подтверждают «целенаправленную доработку текста, принадлежащую автору» - редактирование, улучшение на беловом варианте, «без существенного изменения смысла» первоначального текста [13, с. 20-21], что является одним из основных вопросов текстологии.

В исследованиях последних десятилетий высказывается ряд неточных выводов, относящихся к структуре и творческой истории текста данной работы. Эти вопросы можно представить, начиная с того, что установившееся в 1940-е гг. определение работы как «письмо» Кулаковского заменяется на «послание», впервые официально введенное в статье В. Н. Иванова и Л. Р. Кулаковской [10, с. 8-45]. В текстах вариантов рукописей обоснование по этому вопросу находим в заключительной части:

«Этим кратким конспектом нужд я заканчиваю свое послание, которым я задаю Вам темы для обсуждений и призываю на деятельность» (архивный текст) [14, л. 21 об.].

«Этим кратким конспектом нужд я заканчиваю свое письмо, ...» (неустроевский вариант) [20, л. 25].

В первом издании «ЯИ» под редакцией Г. П. Башарина текст («архивный» вариант) разделяется на озаглавленные две части, в первой части выделяются три раздела, тоже под конкретными названиями, что не соответствует рукописям [7, сс. 33, 36, 40, 45].

В издании «Якутской интеллигенции (варианты письма)» составитель И. Ю. Васильев повторяет эти редакторские «уточнения» Г. П. Башарина [8, сс. 28, 36, 44, 54].

В «архивном» варианте автографа и в его раннем варианте, написанном как обращение к друзьям, работа выполнена сплошным текстом без разделений на части. Начальная половина текста воспринимается как вступительное слово к его размышлениям/советам по организации труда, где направления хозяйственных вопросов представляются пронумерованными пунктами. Таким образом, в первом официальном издании в 1992 г. авторский текст нарушается в четырех местах по основному тексту рукописи. На примерах указываем соответствующие основному тексту абзацы раннего варианта («неустроевского») как подтверждение синхронности содержания этих автографов в целом.

На первом листе «архивного» варианта после названия «ЯИ», что соответствует обращению к друзьям в «неустроевском» варианте, вводятся названия: «Часть первая. Философские вопросы о судьбах многочисленных и малочисленных народов» и «1. Борьба за существование. Переселенческая политика царизма» [7, с.33; 13, с. 28].

Между абзацами 12 и 13 «архивного» варианта, что соответствует абзацам 14 и 15 «неустроевского» варианта, вводится название «2. Проект переселения якутов на Крайний Север» [7, с. 36; 13, с. 36]. Конец и начало разделенных абзацев по всему тексту в обоих вариантах идентичны. Приводим для примера их конец и начало:

«Правительство не поддалось бы так легко приятной иллюзии самообмана и отнеслось бы недоверчиво к докладу Маркграфа, ныне так приятно и в тон ответившему его видам.

Мы, в свою очередь, так детски-наивно обманываем самих себя мыслью, что пепелища ..., где жили и умирали наши прадеды, принадлежат нам...» [14, л. 2 об.; 20, л. 3 об.].

Между абзацами 26 и 27 «архивного» варианта (абзацы 27 и 28 «неустроевского» варианта) вводится название «3. Угроза надвигавшейся Первой мировой войны» [7, с. 40; 13, с. 44]:

«Речь же послужила краеугольным камнем для создания письменности и наук, ставших для человека могущественным орудием в борьбе его не только с животным миром, но и со стихиями и злыми силами природы.

Человек в данное время своего существования справедливо считает себя царем природы» [14, л. 5; 20, л. 6 об.].

Название «второй части» вводится между абзацами 53 и 54 «архивного» варианта (абзацы 52 и 53 «неустроевского» варианта). Таким образом, предпоследний абзац

вступительной части «ЯИ» (18 строк) открывает «отдельную» часть: «Часть вторая. Соображения относительно культивизации Якутии» [7, с. 45; 8, с. 54]. Конец и начало абзацев:

«Единственным рациональным средством является наша культивизация и слияние с русскими – благо, что помесь с последними дает хорошие плоды. Культивизация была бы необходима и помимо указанных выше грозных призраков.

При сем прилагаю некоторые свои соображения относительно тех мер, которые следовало бы нам принять для поднятия своей культуры» [14, лл. 7-7 об.; 20, л. 9].

Эти нарушения структуры с намерением уточнить авторскую идею близки к реконструкции основного текста «ЯИ» («архивного» варианта автографа). Во-первых, формулировки введенных названий не соответствуют содержаниям представленных частей. В первой половине работы автор не ставит «философские вопросы», он размышляет о социальном статусе своего народа на основе реальных социальных фактов и сопоставительных примеров, о которых его адресаты знают, но не принимают их всерьез. В тексте Кулаковского не употребляется ни разу выражение «политика царизма». Он рассуждает по-другому и обращается к современникам не книжными выражениями. Например, пишет: «Правительство, заселяя Сибирь и, в частности, нашу область, убивает с одного выстрела сразу трех зайцев...». Далее перечисляет эти три вопроса без критики Правительства: «1) избавляется от избытка населения, которого ему девать некуда; 2) заселяет и культивирует дикий пустынный край с целью извлечения пользы для государства эксплуатацией его природных богатств и 3) колонизирует свои окраины в видах охраны их от алчных и страшных соседей вроде Америки, Японии, Китая. Если бы не такое нудное положение вещей, то Правительство не поддалось бы так легко приятной иллюзии самообмана ...» [10, с. 50].

Также другие два заглавия, разделяющие содержание работы на самостоятельные разделы о «проекте переселения ...» и «надвигавшейся ... войне», воспринимаются логически не оправданными вмешательствами в содержание авторского текста.

Во второй части работы рассуждения Кулаковского, вернее всего, раскрывают вопросы относительно «поднятия благосостояния якутов» улучшением организации работ и просвещением по конкретным направлениям. Им уточняются семь пунктов: «Землепользование»; «Земледелие»; «О рыбе»; «Скотоводство»; «Школа и общественная жизнь»; «Экономическое положение и предприятия»; «Источники дохода». Таким образом, выражение, (на самом деле, стилистически не вполне верное) «культивизация Якутии», ни разу не встречающееся в тексте Кулаковского в данном сочетании, как и другие заглавия – не может соотноситься с идеей и тематикой всех перечисленных пунктов, определенных самим автором. То, что он пишет в предпоследнем абзаце вступительной части о «культивизации и слиянии с русскими», является иносказательным, образным выражением, вполне уместным стилю его свободного обращения к современникам.

Чтобы не сомневаться в понимании автором значения этого слова, приводим примеры из текста (ссылки по научному изданию работы Кулаковского):

«... Культивированные, насиженные земли...»; «... Припеваючи жить и на владеемых землях, если только хоть немного культивировать те из них, которые требуют этого»; «Нужно было бы культивировать ячмень в качестве озимого хлеба»; «... с условием, чтобы получивший пособие культивировал занятый остров в течение 5 лет» [10, сс. 56, 66, 75, 94].

Но разделения текста «ЯИ» на озаглавленные части воспринимаются объективными явлениями исторического значения. С именем Г. П. Башарина связываются основные аспекты изучения жизни и творчества Кулаковского в XX в. В его книге «Три якутских реалиста-просветителя» содержание «ЯИ» раскрывается/интерпретируется по ключевым социально-историческим вопросам времени. Эти ракурсы восприятия текста классика сохраняются в издании в 1992 г., начиная со вступительной статьи Башарина

«Исторические судьбы Письма Кулаковского» [7, с. 5-32] и придерживаются в изданиях до 2000 г. Таким образом, в первой официальной публикации отражается сложная история изучения работы Кулаковского. Авторитет легендарного профессора Якутского государственного университета раскрывается в предисловии переиздания его монографии, которая называется «книгой-подвигом, книгой-легендой» [17, с. 3]. И. Г. Спиридонов убедительно подчеркивает значение имени Кулаковского для его первого исследователя: «Мало найдется трудов, вокруг которых бушевал такой накал страстей, взволновавший читателей Якутии. ... На вопрос собирается ли Георгий Прокопьевич переиздать свою первую монографию он прямо заявил: очень хочется, работа эта для меня особо любимая, как родное дитя» [17, с. 6-7].

Третий вариант автографа Кулаковского написан на 3 листах формата А3: на обеих сторонах двух первых листов и на одной стороне последнего листа фиолетовыми чернилами. Заглавие «Якутской интеллигенции» подчеркнуто. Подписи автора нет. В двух местах отмечаем авторские зачеркивания слов, сделанные по ходу написания текста.

Содержание представляет тезисную форму архивного варианта автографа. Первый абзац:

«Пора, г.г., взяться за ум и приняться дружными усилиями за насаждение культуры среди своих соплеменников и тем помешать грядущему вымиранию их и своего потомства» [20, л. 25].

После краткого вступления перечисляются доказательства представленной проблемы, разделенные тремя пунктами. Второй из них:

«2) Численное увеличение якутской народности есть явление обманчивое...» [20, л. 25].

Сначала автор пишет: «Явление численного увеличения», но – зачеркивает первое слово, [ч] заменяет заглавной буквой, исправляет окончания слов.

Следующее исправление:

«3) Может быть, Вы скажете, что уже (слово «уже» зачеркнуто) мы покорены...».

«Может быть, Вы скажете, что мы покорены русскими уже 3 века тому назад и до сих пор не вымираем» [20, л. 25 об.].

В тексте данного варианта усиливается гражданское начало в формах уточнений идеи первых автографов другими примерами и фактами. Отсутствие подписи подтверждает, что автограф является третьим по времени создания: составляются тезисы в форме информации о предстоящем обсуждении нового проекта, в чем подтверждается резонанс идеи письма (обращения к друзьям) и послания (основного текста – «архивного» варианта); текст составляется от первого лица не в единственном, а во множественном числе. В этом плане третий вариант не является точной копией текста, подписанного Кулаковским, но содержание в целом представляет продолжение его мыслей как автора «архивного» варианта рукописи. Следует уточнить, что деловой стиль изложения информации подчеркивает официальный характер обращения к современникам. В качестве примера приводим отрывок из заключительной части текста:

«Мы, которые идем это воззвание проектируем: Образовать “Общество Якутских Культуртрегеров”. Общество должно быть образовано с ведома и разрешения правительства, ибо всякое нелегальное общество не стойко и бессильно.

Если нам будет не разрешено в ближайших степенях администрации, то идти настойчиво вплоть до Думы и Царя» [20, л. 27 об.].

Текст заканчивается указанием даты встречи, где дополнительно отмечается о том, что «письменные сообщения адресовать г. Гавр. В. Никифорову», что является значительным эпизодом данного автографа, подтверждающим близкие контакты Кулаковского с одним из ярких представителей дореволюционной якутской интеллигенции, купцом I гильдии, который торговал пушниной в России, участвовал в европейских аукционах. Известна также его особого размаха и масштаба меценатская, благотворительная деятельность. Партийное предпочтение Г. В. Никифорова (1871-1964)

определяется избранием его в 1917 г. представителем кадетов в комитет общественной безопасности. После 1919 г. он эмигрировал в Харбин и далее в Японию.

Заключение. Таким образом, определяется хронология создания текстов Кулаковского: ранний автограф – письмо-обращение к своим друзьям. В итоге его редактирования создается основной текст с авторской подписью. Третьим по времени создания является текст информационного письма о созыве съезда.

Работа «ЯИ» 1992 г. издания полностью сохраняет особенности исторического времени, когда Г. П. Башарин впервые открыл и в течение десятилетий защищал наследие первых якутских писателей.

В фрагментах о Правительстве в автографах Кулаковского наблюдается не критика, а наоборот, присутствие желания предотвратить негативные интерпретации принимаемых им решений в вопросах о переселении на Север. В изучении творческой истории представленных рукописей выявляются факты, подтверждающие близкие отношения поэта с людьми прогрессивных взглядов на жизнь общества С. П. Барашковым и Г. В. Никифоровым.

Л и т е р а т у р а

Исследования

1. Башарин Г. П. Три якутских реалиста-просветителя (Из истории общественной мысли дореволюционной Якутии). Якутск: Госиздат ЯАССР. – 1944. – 146 с.
2. Бурцев А. А. Поэма А. Е. Кулаковского «Сон шамана» как поэтический пролог к посланию «Якутской интеллигенции» // Творческая личность в историко-культурном пространстве: материалы Международной конференции, посвященной 100-летию послания А. Е. Кулаковского «Якутской интеллигенции» (Москва, 21-22 ноября 2012 г.). Новосибирск: Наука. – 2013. – С. 73-81.
3. Гришунин А. Л. Исследовательские аспекты текстологии. М: Наследие. – 1998. – 416 с.
4. Кулаковская Л. Р. Научная биография А. Е. Кулаковского: личность поэта и его время. – Новосибирск: Наука. 2008. – 296 с.
5. Кулаковский А. Е. Песня якута. Стихи и поэмы. Перевод с якутского В. Солоухина, С. Поделкова. – М. «Советская Россия». 1977. – 304 с.
6. Кулаковский А. Е. Якутской интеллигенции. Вступит. слово: Ф. Г. Сафронов // Полярная звезда. 1990. № 5. С. 89-107.
7. Кулаковский А. Е. Якутской интеллигенции. Вступ. статья: Г. П. Башарин – Якутск: Книжное изд. – 1992. – 96 с.
8. Кулаковский А. Е. Якутской интеллигенции (варианты письма). Сост.: И. Ю. Васильев. Якутск: Изд-во ЯНЦ СО РАН. – 2000. – 124 с.
9. Кулаковский А. Е. Поэтические произведения. Полное собр.соч. Т. 1. – Новосибирск: Наука. – 2009. – 631 с.
10. Кулаковский А. Е. Якутской интеллигенции. Редактор-составитель: Л. Р. Кулаковская. – Новосибирск: Наука. – 2012. – 189 с.
11. Кулаковский А. Е. Труды по якутскому языку. Сост.: Л. Р. Кулаковская. – Якутск: Медиа-холдинг Якутия. – 2017. – 280 с.
12. Кулиева Р. Г. Идеи А. Е. Кулаковского в эпоху глобализации // Современные проблемы исследования национальной классики: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Л. Р. Кулаковской (г. Якутск, 8-10 октября 2018 г.). – Якутск: Издательский дом СВФУ. – 2019. – С. 9-14.
13. Лихачев Д. С. Текстология. Краткий очерк. Издание второе. – М.: Наука. – 2006. – 175 с.
14. НА РС(Я). Ф.П-3, оп. 20, д. 130а., лл. 1-21 об.
15. НА РС(Я). Ф.П-3, оп. 2, д. 130а. Л. 45-48.
16. Серошевский Л. В. Якуты. Опыт этнографического исследования. 2-е изд. – М.: РОССПЭН. – 1993. – 736 с.

17. Спиридонов И. Г. Подвиг ученого // Башарин Г. П. Три якутских реалиста-просветителя (Из истории общественной мысли дореволюционной Якутии) Переиздание. – Якутск: Респ. Общество «Книга». – 1994. – С. 3-7.
18. Тобуроков Н. Н. Изучение жизни и творчества А. Е. Кулаковского-Ексекуляха в высших учебных заведениях (на якутском языке). – Якутск: Кудук. – 2001. – 112 с.
19. Трошчанский В. Ф. наброски о якутах Якутского округа. Под редакцией и с примечаниями Э. К. Пекарского. – Казань: Типография Императорского университета. – 1911. – 144 с.
20. Частный архив.

References

Issledovaniya

1. Basharin G. P. Tri yakutskih realista-prosvetitel'ya (Iz istorii obshchestvennoj mysli dorevol'yucionnoj Yakutii). Yakutsk: Gosizdat YAASSR. – 1944. – 146 s.
2. Burcev A. A. Poema A. E. Kulakovskogo «Son shamana» kak poeticheskij prolog k poslaniyu «Yakutskoj intelligencii» // *Tvorcheskaya lichnost' v istoriko-kul'turnom prostranstve: materialy Mezhdunarodnoj konferencii, posvyashchennoj 100-letiyu poslaniya A. E. Kulakovskogo «Yakutskoj intelligencii»* (Moskva, 21-22 noyabrya 2012 g.). Novosibirsk: Nauka. – 2013. – S. 73-81.
3. Grishunin A. L. Issledovatel'skie aspekty tekstologii. M: Nasledie. – 1998. – 416 s.
4. Kulakovskaya L. R. Nauchnaya biografiya A. E. Kulakovskogo: lichnost' poeta i ego vremya. – Novosibirsk: Nauka. 2008. – 296 s.
5. Kulakovskij A. E. Pesnya yakuta. Stihi i poemy. Perevod s yakutskogo V. Solouhina, S. Podelkova. – M. «Sovetskaya Rossiya». 1977. – 304 s.
6. Kulakovskij A. E. YAkutskoj intelligencii. Vstupit. slovo: F. G. Safronov // *Polyarnaya zvezda*. 1990. № 5. S. 89-107.
7. Kulakovskij A. E. Yakutskoj intelligencii. Vstup. stat'ya: G. P. Basharin – Yakutsk: Knizhnoe izd. – 1992. – 96 s.
8. Kulakovskij A. E. YAkutskoj intelligencii (varianty pis'ma). Sost.: I. Yu. Vasil'ev. Yakutsk: Izd-vo YANC SO RAN. – 2000. – 124 s.
9. Kulakovskij A. E. Poeticheskie proizvedeniya. Polnoe sobr.soch. T. 1. – Novosibirsk: Nauka. – 2009. – 631 s.
10. Kulakovskij A. E. Yakutskoj intelligencii. Redaktor-sostavitel': L. R. Kulakovskaya. – Novosibirsk: Nauka. – 2012. – 189 s.
11. Kulakovskij A. E. Trudy po yakutskomu yazyku. Sost.: L. R. Kulakovskaya. – Yakutsk: Mediaholding Yakutiya. – 2017. – 280 s.
12. Kulieva R. G. Idei A. E. Kulakovskogo v epohu globalizacii // *Sovremennye problemy issledovaniya nacional'noj klassiki: materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 70-letiyu so dnya rozhdeniya L. R. Kulakovskoj* (g. Yakutsk, 8-10 oktyabrya 2018 g.). – Yakutsk: Izdatel'skij dom SVFU. – 2019. – S. 9-14.
13. Lihachev D. S. Tekstologiya. Kratkij ocherk. Izdanie vtoroe. – M.: Nauka. – 2006. – 175 s.
14. NA RS (Ya). F.P-3, op. 20, d. 130a., ll. 1-21 ob.
15. NA RS(Ya). F.P-3, op. 2, d. 130a. L. 45-48.
16. Seroshevskij L. V. YAkuty. Opyt etnograficheskogo issledovaniya. 2-e izd. – M.: ROSSPEN. – 1993. – 736 s.
17. Spiridonov I. G. Podvig uchenogo // Basharin G. P. Tri yakutskih realista-prosvetitel'ya (Iz istorii obshchestvennoj mysli dorevol'yucionnoj Yakutii) Pereizdanie. – Yakutsk: Resp. Obshchestvo «Kniga». – 1994. – S. 3-7.
18. Toburokov N. N. Izuchenie zhizni i tvorchestva A. E. Kulakovskogo-Eksekyulyaha v vysshih uchebnyh zavedeniyah (na yakutskom yazyke). – Yakutsk: Kuduk. – 2001. – 112 s.
19. Troshchanskij V. F. Nabroski o yakutah Yakutskogo okruga. Pod redakciej i s primechaniyami E. K. Pekarskogo. – Kazan': Tipografiya Imperatorskogo universiteta. – 1911. – 144 s.
20. Chastnyj arhiv.

– ИНФОРМАЦИИ. ХРОНИКА –

Ю. Г. Хазанкович

Памяти Е. С. Роговера

СВФУ им. М. К. Аммосова, г. Якутск, Россия

На 90-м году ушел из жизни профессор Института народов Севера Ефим Соломонович Роговер, ведущий преподаватель некогда существовавшей кафедры литературы и методики ее изучения.

Доктор педагогических наук, профессор и член Союза писателей России Е. С. Роговер в североведение пришел через методику преподавания литературы. Жизненно-исследовательская траектория профессора Роговера была поступательной: после окончания института стал работать на русском Севере, в Архангельской области, увлеченность западно-европейской и русской классикой привела его к литературам народов Севера.

Профессор Е. С. Роговер – автор, учебных пособий, монографий, посвященных хантыйской, мансийской, ненецкой, якутской, эвенкийской, корякской, чукотской, нивхской, долганской литератур. Заинтересованность литературами автохтонных народов Севера вдохновила Е. С. Роговера инициировать и издавать сборники «Литература народов Севера». Увидели свет 12 выпусков серийных сборников, в которых были включены статьи североведов – известных ученых и начинающих молодых исследователей, а также статьи самого Е. С. Роговера, отличительной чертой которых является рассмотрение национальных литератур северян «в контексте и в сравнении с лучшими образцами русской и мировой литературы» (А. А. Петров). По признанию профессора Е. С. Роговера само «обращение к поэзии и прозе народов Севера и Дальнего Востока таит в себе многообразие еще не познанного и не разгаданного. Оно предполагает открытие поистине несметных художественных богатств». Он признавался: «Могу лишь только пожалеть о том, что мое знакомство с писателями нашего Севера состоялось сравнительно поздно, после многих лет изучения русской и европейской литературы». Потому и предметом научного интереса литературоведа Роговера стали «горизонты понимания» творчества того или иного писателя-северянина и «частные проблемы» (Д. Лихачев) в изучении литератур народов Севера.

В его учебном пособии «Литература народов Севера», монографиях о творчестве ханта Е. Айпина и чукчи Ю. Рытхэу, статьях читатель мог встретиться с неожиданной

ХАЗАНКОВИЧ Юлия Геннадьевна – д. филол. н., профессор кафедры русской литературы XX века и теории литературы, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова.

E-mail: lula1974@mail.ru

KHAZANKOVICH Yulia Gennadievna – Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Literature of the XX century and Literary Theory, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

интерпретацией знакомого произведения, тонкими наблюдениями над стилистикой текста и его образной системой, этнореалиями и психотипом национальных героев. Исследования Е. С. Роговера стали базисом для последующего изучения в аспекте компаративистики художественного наследия автохтонных народов Севера.

Роговер Е. С. в изучении литератур народов Севера открыл еще одну тему – писатели народов Севера о войне. Для ученого, коренного ленинградца и блокадника, тема особая. Эта тема почти не освещена в северном литературоведении и обращение к ней Е. С. Роговера постулирует принципиально правильный ракурс в ее понимании и освещении при литературоведческой и критической рефлексии. В отдельных статьях и в учебном пособии «Литература народов Севера» Роговер этой теме посвятил целую главу «Писатели Севера о минувшей войне и великой Победе». У Роговера она не только имеет содержательную важность в контексте геополитических событий сегодня, когда либерально настроенные ученые и публицисты активно реинтерпретируют итоги Второй мировой войны и навязчиво внедряют в общество идею забыть священное для всех народов нашей страны словосочетание «Великая Отечественная война – Священная война». Тема Великой Отечественной войны была сверхважна для Роговера-педагога, методиста и в воспитательно-образовательном аспекте – это актуализация у читателя исторической памяти через литературные произведения и чувства интернационализма, глубинного понимания дружбы народов в нашей стране и особого вклада каждого этноса в разгром «фашистских стервятников», осознания общей судьбы всех народов, больших и малых, их единства в горести фронтовых потерь и радости Победы над фашистами.

На протяжении многих лет Е. С. Роговер был научным руководителем студентов и аспирантов, успешно защитивших дипломные работы и кандидатские диссертации по литературам народов Севера. Его литературоведческие исследования ценны не только в содержательном аспекте, но и в приобщении начинающих к культуре филологического труда: публикации Е. С. Роговера были всегда образцом уважительного и бережного отношения к результатам исследования его предшественников, отличались скрупулезным реферативным обзором и точностью цитат, глубинным прочтением и рефлексией, вниманием к деталям. «Восприятие художественного текста – всегда борьба между слушателем и автором», – так когда-то написал Ю. М. Лотман. Работы профессора Е. С. Роговера были примером паритета в восприятии текста интерпретатором, для которого важен и автор, и читатель.

17 февраля 2022 года профессору должно было исполниться 90 лет. Мы сохраним добрую память о коллеге и верном друге Якутии, петербургском ученом и просветителе Ефиме Соломоновиче Роговере.

ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЛИТЕРАТУР
Электронное научное периодическое издание

1 (05) 2022

Технический редактор *В. Е. Степанова*
Компьютерная верстка *В. А. Максимова*
Оформление обложки *П. И. Антипин*

Подписано в печать 31.03.2022
Формат 70×108/16.
Дата выхода в свет 31.03.2022